

В.И. Дьяченко

**«БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ДОРОГА» — ТЕРРИТОРИЯ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
НА ТАЙМЫРЕ**

В статье на основе литературных и архивных источников рассматривается роль Хатангского тракта в культурно-историческом контексте Таймырского полуострова, самого северного на территории Евразийского пространства. В работе исследуются исторические предпосылки возникновения «Большой русской дороги», этнический состав арктических обитателей многочисленных станков, тянувшихся от одной из крупнейших сибирских рек, Енисея, через реки Хатангу и Анабар к другой великой реке — Лене. Коренные жители этих станков приняли непосредственное участие в формировании долганского народа.

Ключевые слова: история Таймыра, социальные отношения, этнокультурные процессы, тунгусы, якуты, русские старожилы, долганы.

V.I. Diachenko

**«THE GREAT RUSSIAN WAY» — THE TERRITORY
OF ETHNO-CULTURAL INTERACTION
ON THE TAIMYR PENINSULA**

In article on the basis of literary and archival sources examines the role of the Khatanga tract in cultural and historical context of the Taimyr Peninsula — the northernmost in the territory of the Eurasian space. This paper investigates the historical background of the emergence of “Great Russian road,” the ethnic composition of the inhabitants of the Arctic many of the halts, stretching from one of the largest Siberian rivers — the Yenisei river through the rivers Khatanga and Anabar to another great river, the Lena. The indigenous people of these halts took part in the formation of the Dolgan people.

Keywords: history of Taimyr, social relations, ethno-cultural processes, Tungus, Yakut, Russian old-timers, Dolgans.

Сегодня выехал со станка Бельногого...
Ехать весело, олени, хотя и умотанные за зиму, по хорошо наезженной дороге тянут быстро. Передвижение в этой тундре, конечно, никак не похоже на Илимпею, где мало оленей, мало торгов, а горы, лес, глубокие снега делают передвижение трудным. Здесь же, наоборот: публика многооленная, дорога — словно тракт, по которой день и ночь движутся русские и туземцы. Возят ковчеги (балки). Станки частые, где есть избы на русский манер.

*Из дневника А.П. Лекаренко, 1927 г.
[КККМ. О/ф. 7626–110. Л. 123].*

В настоящее время, в эпоху интенсивного развития авиации и использования спутниковой системы навигации, транспортное сообщение на Таймыре обеспечивается регулярными рейсами нескольких летних кампаний. Пассажирские авиаперевозки между крайними точками Таймырского полуострова — Дудинкой и Хатангой — производятся еженедельно: один или два раза в зависимости от сезонной востребованности.

Грузовые сухопутные перевозки между Дудинкой и редкими поселениями, находящимися в центре Таймыра, отделенными от административного центра бескрайними тундрами, реками и бесчисленными озерами, возможны, как и прежде, исключительно в зимнее время, по так называемому «зимнику». Эта зимняя дорога имеет свою длинную, собственную историю.

На протяжении более трех столетий Таймыр с запада на северо-восток пересекал единственный путь, так называемый Хатангский тракт, по которому вначале служилые и торговые люди, а затем путешественники, исследователи, ученые продвигались вглубь арктических территорий в направлении Якутии. Здесь после проникновения первых землепроходцев стали оседать их потомки, которые смешивались с местными охотниками, оленеводами и рыбаками.

Конечно, сравнение «Большой русской дороги» (так называли долганы Хатангский тракт) например, с главным, Сибирским трактом, было бы не корректно из-за удаленности и гораздо меньшей

протяженности первого. Несоизмеримы и их роли в истории социально-экономического развития сибирского региона как части Российского государства. Однако Хатангский тракт навсегда останется страницей в истории освоения Арктики, тем более что он сыграл, пожалуй, определяющую роль в формировании долганского народа.

На восток от Дудинки на многие сотни километров раскинулась огромная тундра. Она простирается далеко на север и северо-восток, до побережья Ледовитого океана, и включает в себя бассейны многих рек: Пясины, Таймуры, Хатанги, Хеты и др.

Тундра изобилует огромным множеством больших и малых озер, в которых водятся многие ценные породы рыбы. Вдоль северной границы лесотундры тянется узкая полоса лесной растительности, где местные кочевые народности (самоеды, тунгусы, долганы, якуты) издавна спасали себя и оленей стада от снежных бурь. После прихода русских на север Енисейского бассейна от Дудинки до Хатанги и далее на восток происходило образование тысячекилометрового оленьего тракта, вдоль которого почти до середины прошлого столетия стояли станки («станок» происходит от «стан» — стоянка, постой) и располагались зимние стойбища северных кочевников. Только летом, во время гнуса, они традиционно откочевывали на север, но к наступлению зимы обязательно возвращались на свои зимние стоянки — в Затундру. Этим именем в литературе вслед за русскими, жившими в низовьях Енисея, называли территорию современных Авамского и Хатангского районов Таймыра, находившуюся к востоку от них за «Малой низовой тундрой», которой называлась местность у оз. Пясины [ГАКК. Ф. Р 769. Оп. 1. Д. 303. Л. 47–48].

История Хатангского тракта через первых землепроходцев тесно связана с историей Русского (Российского) государства, соединившего к первой трети XVII в. Западную Сибирь.

Многочисленные поморские парусные суда — кочи — доставляли морем в первый заполярный город Западной Сибири Мангазею хлеб, другие продукты, а также различные товары. С использованием ямальского волока морской путь от Архангельска до Мангазеи продолжался при благоприятных погодных условиях около

четырёх с половиной недель, как это видно из донесения 1616 г. Тобольского воеводы Куракина в Москву [Миллер 2000: 272]. Именно реки были первыми магистралями, по которым русские первопроходцы добирались до самых удаленных уголков Евразийского континента. Со временем через бассейны этих рек стали проходить тракты, сыгравшие огромную роль в дальнейшем освоении территории Сибири.

В начале XVII в., опираясь на Мангазею, русские землепроходцы постепенно стали проникать все дальше и дальше на восток в пределы собственно Средне-Сибирской равнины. После основания при устье р. Турухан в 1609 г. города Туруханска этот населенный пункт с 1672 г. и до конца XIX столетия выступал в качестве главного административного центра всей Енисейско-Ленской области. Отсюда русские землепроходцы спускались вниз по Енисею до его устья и, поднимаясь вверх по правым притокам этой реки, через систему волоков они вскоре пришли на Пясино, Хатангу и Анабар.

С низовьев Енисея служилые люди поднимались вверх по его правому притоку, р. Дудинке, до Боганидского озера. Оттуда вверх по р. Вологочан (в настоящее время Болгохток) волоком они переправляли в другую р. Вологочан, впадающую в южную часть Пясинского озера. Наименование речек «Вологочан» — это русское название «Волочан», от русского слова «волок». Разделены эти речки низким заболоченным перевалом длиной около 1,5 км, который люди того времени преодолевали без труда. Из Пясинского озера они попадали в р. Пясино, а по ее правым притокам, рекам Дудыште и Аваму, через несколько озер и непротяженных волоков переправляли уже в систему р. Хатанги — р. Хету. Левый ее приток, р. Волочанка, до сих пор сохранил свое первоначальное смысловое название, так же как и станок, а затем населенный пункт — Волочанка (Волосянка).

Протяженность волока, соединяющего Пясинский и Хатангский бассейны, составляет всего 2176 м, из которых 906 м приходится на озера, 300 м — на болота и лишь 970 м — на низменную тундру [Урванцев 1969: 22–23]. По всей видимости, южно-таймырский водный путь русские первопроходцы широко использовали в прежнее время, когда реки являлись путями сообщения, а «пере-

волакивание» судов и грузов через водоразделы из одной речной системы в другую было основным «скоростным» способом передвижения по просторам Сибири.

Заселение низовьев Енисея усилилось в начале XVIII в., когда из-за исчезновения соболя и падения его промысла песец стал приобретать значение имеющего спрос товара и эквивалента денежной единицы на Туруханской ярмарке. Здесь туруханский песец по своим качествам ценился дороже полярной лисицы, добытой в других районах Сибири. «Песцы, белые волки, которых ловят на Енисее, славятся тем, что они значительно превосходят по величине всех тех, что происходят из других местностей, поэтому они всегда и выше по цене, чем те, что получают с Оби и Лены. Им приписывают также лучшую и более толстую шерсть», — писал Г. Гмелин (цит. по [Ауэрбах 1929: 14]). Торговцы расчеты между собой производили на песца, и на него же переводили стоимость взятых сибирскими охотниками в долг продуктов и товаров.

Так что с той поры, когда основные богатства таежной полосы Приенисейского края были исчерпаны, наступил момент для использования в промысловом значении тундры, где районы Хеты, Хатанги, Анабар славились изобилием песца.

Характер промысла песца требовал обустройства ловушками довольно протяженной территории, и устанавливали пасти на длительное время. Одновременно с этим повсеместно строились зимовья, где могли бы проживать промысловики и откуда, опираясь на них, охотники отправлялись на проверку своих охотничьих снарядов.

Зимовьем в Сибири служила небольшая бревенчатая постройка (рис. 1–2), которую охотники или рыболовы ставили в тайге и тундре, где не было постоянных жилых строений и населенных пунктов. Здесь по берегам рек, озер, северных морей они рыбачили и занимались охотничьим промыслом. Зимовьями также называли жилые и укрепленные строения, которые русские промышленники ставили в процессе своего продвижения по Сибири. Эти незамысловатые постройки устраивали обычно в устьях рек и вблизи волоков, между речными системами и возле переправ.

Рис. 1, 2. Зимовье в тундре [КККМ. Коробка № 180, нег. 007, 009]

На карте 1745 г., составленной на основании данных Великой Северной экспедиции, низовье Енисея было усеяно зимовьями (рис. 3). Так, по правому берегу до моря от Дудинки насчитывалось 38 зимовий и один магазин, по левому — 20, на берегу моря от мыса Северо-Восточного до устья Пясины включительно — 9, всего же 68 населенных пунктов [Ауэрбах 1929: 16]. В 1823 г. от Туруханска

Рис. 4. Зимовье на рыбалке в низовьях Енисея
[КККМ. Нег. № 7930-1-10-22].

в северном направлении по берегам Енисея насчитывалось 43 зимовья, а на Таймыре и к северо-востоку от него, от Дудинки до р. Анабар, их стояло 77 [Степанов 1835: 190].

Из промысловых зимовий, построенных в низовьях Енисея (рис. 4) и на других реках Таймыра, многие постройки в конце XIX в. из-за упадка промысла в тундрах были заброшены и опустели. Из 39 зимовий, стоявших до 1860 г. в низовьях Енисея и Енисейской губе, в конце столетия были обитаемы не более 12. В тундре от Енисея в направлении р. Анабар, к якутской границе, из почти 60 зимовий в середине XIX в. к концу столетия осталось не более 36 обитаемых [Латкин 1894: 590–591]. Правда, как мы увидим ниже, эти зимовья сохранились благодаря тому, что их продолжали использовать в качестве станков Хатангского тракта. В 1860 г., по данным Кривошапкина, от той же Дудинки до р. Анабар насчитывалось 35 станков и зимовий, населенных от одного до пяти семейств [Кривошапкин 1865: 354].

На почтовых трактах зимовье часто включало в себя несколько жилых построек. Такие зимовья отстояли друг от друга на расстоянии 20–30 верст, и их обычно ставили на берегах или недалеко от водоемов.

Селение Дудинское, основанное в первой половине XVII столетия, располагалось в начале Енисейско-Хатангского водного пути. Ряд поселений существовал и на пути волоков между реками Пясиной и Хатангой. Об этом свидетельствуют развалины изб и поселков с обширными кладбищами, обнаруженных в 1930-е годы одной из экспедиций Главсевморпути при обследовании южно-таймырского водного пути. Это явно говорит об оживленном движении и жизни здесь в прежнее время, когда этот путь являлся тем основным, по которому шли русские землепроходцы с Енисея на Хатангу и далее на восток, где также было немало поселений [Урванцев 1969: 22–24].

В летнее время водные пути чередовались с сухопутными направлениями, а в зимнее время передвижение осуществлялось, естественно, наземным путем, по заснеженной тундре. Сообщение с жителями, обитающими в глубине Таймыра, по рекам Хета, Боганида и Хатанга на расстоянии 950 верст, считая от сел. Дудинки, было возможно исключительно зимним путем.

«Сообщение села Дудина с затундринскими местностями производится исключительно зимним путем. В северные пределы края нет никаких дорог, и только благодаря отличному знанию туземцами своих болот, речушек и тундр и присущему им умению ориентироваться в пути можно пробираться на оленях между инородческими стойбищами. Проезжая по тундрам, туземцы руководствуются направлением ветра, звездами и, главным образом, застругами. <...> При чрезвычайно развитой наблюдательности, туземцы отлично ориентируются в любой местности, руководствуясь такими ничтожными признаками, как сбитая ветром кора изредка встретившегося деревца или помятая трава» [Рычков 1915: 1].

Местные жители, проживавшие по рекам Пясины и Дудыпте, нарту с пассажиром и легким багажом могли провезти на собаках или оленях. Для того чтобы проехать через весь полуостров с тяжелым балком, в каком, например, передвигался «смотритель участка или член отдельного управления», жители зимовья или станка заблаговременно пригоняли и подготавливали оленей.

Священник Михаил Суслов, получив из Туруханского Отдельного Управления печатный бланк «на пароконную подводку за указанные прогоны», в феврале 1880 г. выехал из Туруханска «для обозрения церквей и приходов северной части благочиния». Его путь пролегал сначала вниз по Енисею до Дудинского урочища, а оттуда, в северо-восточном направлении через Авамскую и Большую тундру. Последний отрезок пути, до самой Хатангской церкви, пролегал по р. Хете, так что расстояние от Туруханска до Хатанги и обратно составило около 3000 верст. До Дудинки Суслов добирался на лошадях и оленях, а от Дудинки до Хатанги — на оленях, которые выставляли оленеводы «по предварительному приказанию в известных местах тундр». На станках он останавливался в чумах оленеводов, где «инородцы дожидают проезжего в казенных зимовьях, нарочно для того устроенных еще в давнее время». На обратном пути служитель церкви встретился с Хатангскими священником отцом Иакимом и псаломщиком, для которых на каждом станке подготавливали, не считая десяти оленей для собственно оленеводов, 30 грузовых оленей для перевозки двух балков и нарт с грузом [Суслов 1880: рукопись].

От Дудинки до Авамского зимовья перевозки на оленях были возложены на авамских самоедов, а далее к Хатанге в них участвовали вадеевские нганасаны, тунгусы, долганы и затундринские крестьяне. Проезд по арктическим тундрам в полосе тракта считался не только трудным, но и опасным [Третьяков 1869: 520].

О стоимости проезда по тракту мы узнаем из путевого журнала священника М. Сулова, еще раз посетившего сел. Хатанга в 1883 г. От реки Хеты до села Дудинского он ехал через «якутские и самоедские кочевья», где за каждый прогон он платил до 30 руб., «а инде и без оных, но, обыкновенно, с моим хлебом-солью ямщикам (рублей на 15). Кроме сего, постройка балка и нарты с упряжью

обошлись в 45 руб., а всего употреблено на прогоны, экипаж и путевые издержки 217 руб., не считая мою лодку, стоившую более 20 руб. и погибшую у села Дудинского» [Суслов 1883: рукопись].

Как уже упоминалось, передвижение из Дудинки до Хатанги было возможно только в зимнее время. Путешествие внутри балка, который со временем прошел определенную трансформацию в плане улучшения условий переезда, было притчей во языцех во многих письменных источниках. Первым путешественником, оценившим «удобства» балка и опубликовавшим свои впечатления о поездке в этой постройке, был А. Кастрен, который писал в 1846г.:

«16 ноября приехали в Дудинку несколько долган. Меня усадили (точнее, уложили. — В.Д.) в так называемый “балок” — сани, покрытые оленьими шкурами и похожие на продолговатый ящик. Мы оставили Дудинку в 10 часов утра и, <...> проехав 60 верст, я вылез через узкое боковое отверстие из моего ящика. <...> Неприятность езды, лежа подобно трупу в узком и темном ящике, заставила меня пересест в простые сани, за что и был наказан отморозом ножных и ручных пальцев и некоторых частей лица. Открыв эту беду в следующем зимовье, я возвратился в мою темницу, в которой пролежал всю остальную часть дня» [Кастрен 1999: 338–339].

Спустя двадцать лет ему вторил П. Третьяков:

«Экипаж, в котором ездят зимой в северных пределах края, называется “балок”. Это подобие ящика, опрокинутого на нарту. Впрочем, форма его скорее напоминает погребальный склеп. Экипаж этот, вызванный нуждою, устраивается следующим образом: на беговые, несколько загнутые с одного конца полозья, утверждаются в сделанные сквозные отверстия березовые, заостренные книзу копылья. <...> Они прикрепляются к полозьям сыромятными ремнями; сверху копылья скрепляются связками и брусками. Спереди

от одного полоза к другому идет прикрепленная дуга из черемухового дерева, называемая “бараном”, вещь для езды очень важная потому, что дуга не только не дает полозьям врезываться в заструги, но также отводит от них экипаж. С боков от одного бруска до другого прикрепляются три дуги, на которые и натягиваются олени шкуры, обшиваемые сверху холстом. Сбоку устраивается небольшое отверстие, посредством которого можно влезать в балок; отверстие это закрывается маленькой дверью.

Лица, отправляющиеся в северные пределы края, почти буквально погребаются на 5 или на 6 недель в этом душном подвижном склепе; но отрешаясь от внешнего мира и обрекая себя на мучительную лежанку, человек, через эти жертвы достигает главного — сохранения себя от ужасных пург и жестоких морозов. Если при этом будет иметь на себе песцовую шубу, а на ногах меховые штаны с такими же чулками и сотурами, но что всего важнее — песцовое одеяло с кулем для ног. С пренебрежением этих условий путешественник, отправившийся зимой за Полярный круг к северным пределам, может поплатиться не только здоровьем, но самою жизнью» [Третьяков 1869: 521].

Деревянный каркас балка, покрытый сначала сшитыми из цельных оленьих шкур покрывками, затем — брезентом или парусиной, появился в тундровых районах Западной и Средней Сибири, очевидно, одновременно с русскими торговцами или купцами. Возможно, сначала они использовали балок для перевозки различных грузов (продукты питания, свечи, бумагу и т.п.), но со временем он был приспособлен для перевозки людей (чиновников, священников, представителей краевой администрации, путешественников). В первоначальный период балок устраивали очень низким: в нем можно было ехать только в лежачем положении. Такой балок довольно легко могли везти 2–4 оленя. Определенное впечатление о его вместимости дает фотография балка для пере-

возки сибирских переселенцев, сделанная в Иркутске 1890-х годах. Правда, эта деревянная постройка поставлена на сани, запряженные лошадью (рис. 5), которую в тундре заменили домашние олени (рис. 6).

Рис. 5. Отправка переселенцев к месту постоянного жительства.
Фото неизвестного автора 1890-е годы

Рис. 6. Балок в попигайской тундре. Фото автора

«После продолжительного путешествия путешественник, утомленный лежанкой в душном балке, прозябший, как говорится, до костей, с одуревшей головой, с томительным и каким-то болезненно-раздражительным нетерпением ожидает приезда к зимовью. Наконец, передок балка поднимается кверху иногда столь круто, что путешественник со страхом хватается окоченелыми руками за балочные дуги; это означает, что экипаж поднимается на бугор, а вот и само зимовье. Крошечная дверка балка уже открыта, и в ней болтаются ноги завязшего путешественника; заворотившаяся камля препятствует ему вылезть; путешественник задыхается и только, наконец, при посторонней помощи выходит на свет Божий» [Третьяков 1869: 520].

«Балок с тяжестью 9–14 пудов везут довольно легко два, три оленя. По открытым тундрам, поверхность коих от значительных заструг кажется как бы изрытой, езда чрезвычайно несносна. Тут балок, скользя и изгибаясь как эластичный, мечется из одной стороны в другую и, срываясь с заструг, падает со всего размаха. Эти жестокие толчки и сотрясения до того разбивают голову путешественника, что он чувствует себя как бы одурелым, а выйдя из балка, начинает шататься подобно пьяному. Но что всего более неприятно, так это чувство опасения опрокинуться. При каждом сильном раскате и ударе балка невольно представляется, что вот отлетит или переломится полоз, что случается нередко, а потому при балке всегда находятся запасные полозья и ремни» [Третьяков 1869: 521].

Заструги были бедой путешественника во время езды по твердому насту в тундре, но и спасительным средством, так как помогали оленеводам, их перевозчикам, ориентироваться в бескрайних просторах белого безмолвия. Заструги — это слои снега, которые

образуются от постоянно дующих в одну сторону ветров. В открытых тундрах они всегда располагаются с юга на север, как гряды волн. Несмотря на то что эти заструги временами и заносятся ветрами, дующими в других направлениях, но при первом же южном ветре они возникают снова, становятся выше и крепче. Форма заструг бывает разнообразной, однако к тому концу, который обращен к северу, они почти всегда загибаются крючком. В больших открытых тундрах оленеводы передвигаются, принимая во внимание их направление. Северные кочевники по опыту знают, под каким углом нужно пересекать большие и маленькие слои снега при направлении к известному пункту, и никогда не ошибаются. Часто случалось, что изменение направления ветра заносило предыдущую застругу, но опытный глаз оленевода сразу обнаруживал различие: он осторожно отгребал свежий снег и по углу, образованному новым слоем снега над старым, проверял направление своего пути [Третьяков 1869: 522].

К. Рычков, путешествовавший из Дудинки в Хатангу, находился в балке, в котором была установлена маленькая железная печка. Ее приходилось топить постоянно, причем, как писал автор, «в верхней половине балка температура достигала 30–35°, снизу же и с боков стоял отчаянный холод». Его переезд от Норильских озер до Введенского зимовья был особенно утомителен. Как писал автор, целых 50 часов ему пришлось лежать в душном балке [Рычков 1915: 2].

К 1920-м годам размер балка на Таймыре стал значительно больше: это уже была почти что комната, поставленная на нарты. Так, художник А.П. Лекаренко, пробиравшийся с регистраторами Туруханской переписи в 1926–1927 гг. на Таймыр из Эвенкии, отмечал в своем дневнике:

«Нарты и запряжка здесь иного порядка, чем в Илим-пеи. Санки низенькие, не выше четверти, на толстых копыльях. Грузят пудов 20, запрягают оленей 4 штуки. Чумом шестовым здесь не ходят, а есть целые сооружения называемые “нартенный чум” (балок. — В.Д.). На такой же широкой низенькой санке, вроде избы, дли-

ной аршин 8–9 (около 6 м), шириной 3–4 аршина (чуть больше 2,5 м) и высотой до 2½ аршин (1,75 см). Внутри обивается какой-нибудь цветастой материей, затем идет за ней обшивка из постели оленьей и снаружи обивается холстом. Внутри — железная печь. Тянут такой ковчег четверка оленей. Во время хода лишняя публика выгружается, чтобы облегчить тяжести, только разрешается ребятишкам. Хотя в пути и иногда заглядывают взрослые отогреть руки, покурить в тепле. Такие ковчег, конечно, возможны только в этих краях, тундрах, где нет почти леса, ровная поверхность. И частые сильные пурги, которые настолько сильны, что другой раз нет возможности ставить шестовой чум. Нартенные чумы здесь вошли в моду и, нужно сказать, в очень большую. Почти у каждого мало-мальски зажиточного имеется несколько таких орясин. Есть и маленькие, так называемые балки, которые, конечно, дешевле, но для инородца семейного он не подходящий. Полагаю, развили эту нартенную чумную любовь торги, которых здесь хоть отбавляй» [КККМ. О/ф. 7626–110. Л. 115].

Первые сведения о Хатангском тракте, о зимовьях и станках, через которые он пролегал, опубликованные в научной литературе, связаны с именами красноярского краеведа М. Кривошапкина [Кривошапкин 1865], священника М. Сулова [1880 и 1883, 1908], и политического ссыльного, этнографа К. Рычкова [Рычков 1914]. Многие данные экономического и статистического характера были представлены в работе Л.Н. Добровой-Ядринцевой [Доброва-Ядринцева 1925], а также в данных Приполярной переписи 1926–1927 гг. [Туруханская экспедиция 2005].

Михаил Кривошапкин в своем труде о Енисейском округе и его жителях приводит сведения о передвижении между станками на Таймыре, которые он почерпнул у П. Третьякова. Тот, в свою очередь, собрал их, будучи заседателем, «после личного обозрения им края» [Кривошапкин 1865: 355]. Есть среди них и первые упомина-

ния о зимовьях, отстоящих от села Дудинского до якутской границы, через которые тянулся Хатангский тракт.

Священник Михаил Суслов с миссионерской целью трижды провел нелегкие путешествия на оленях через весь Таймыр. Первый раз он отправился в путешествие весной 1880 г., посетив селение Хатанга, а в сентябре 1882 — феврале 1883 г. предпринял тяжелейший поход, едва не закончившийся его смертью, на озеро Ессей. Кроме того, в 1908 г. он присоединился на одном из станков к М. Рычкову, который ехал в селение Хатанга. Его путевые заметки — бесценный материал о жизни коренного населения севера Туруханского края. Помимо всего прочего, священник тщательно вел поминутный хронометраж своего пребывания в тайге и тундре во время поездки на озеро Ессей.

Политический ссыльный, ставший на Таймыре этнографом, Константин Рычков весной 1908 г. также предпринял поездку из Дудинки в Хатангу и обратно, причем его путешествие осуществлялось в то время, когда на Таймыре свирепствовала эпидемия оспы, унося жизни целых стойбищ, расположенных по тракту. В своих заметках он оставил интересные данные о разнообразии этнического состава коренного населения, проживавшего на станках тракта, и экономическом положении его жителей.

Но, несомненно, наиболее подробные статистические сведения о «Большой русской дороге» имеются в опубликованных сравнительно недавно материалах Приполярной переписи Туруханской экспедиции 1926–1927 гг. [Туруханская экспедиция 2005]. В этих материалах имеются сведения о большей части станков и стойбищ тракта от Дудинки на северо-восток, включая село Хатангское. Перепись коренного населения на XVII и IX участках (центральная часть тракта) проводил Б.О. Долгих, и в его переписных карточках имеется много ценных сведений и замечаний об этническом составе жителей и межнациональном языке общения на тракте.

Само название «Хатангский тракт» ввели в отчет, а затем и литературный обиход Б.О. Долгих и другой переписчик — Г.Ф. Рихтер. Сами кочевники Затундры называли его «Улахан нючча суола» — «Большая русская дорога», хотя ничего похожего на дорогу в нашем понимании, конечно, тракт не представлял. Это были просто

направления в бескрайних просторах тундры, по которым оленеводы кочевали, ориентируясь по знакомым местам или приметам. Передвижение из Дудинки, откуда начиналась «русская дорога», в Хатангу и далее в анабарскую тундру могло происходить только в снежное время года. С таянием снега сообщение между станками прекращалось, а оленеводы с семьями откочевывали на север, спасаясь с оленями от засилья появляющегося гнуса. Здесь в тундре, на озерах они занимались рыбной ловлей и охотой на птицу, а в конце лета и начале осени — охотой на мигрирующего дикого оленя.

Как уже было сказано выше, тракт состоял из цепи станков (рис. 7). Только накатанный след от проехавших нарт и балков указывал на то, что здесь проходил тракт. После первой же пурги все

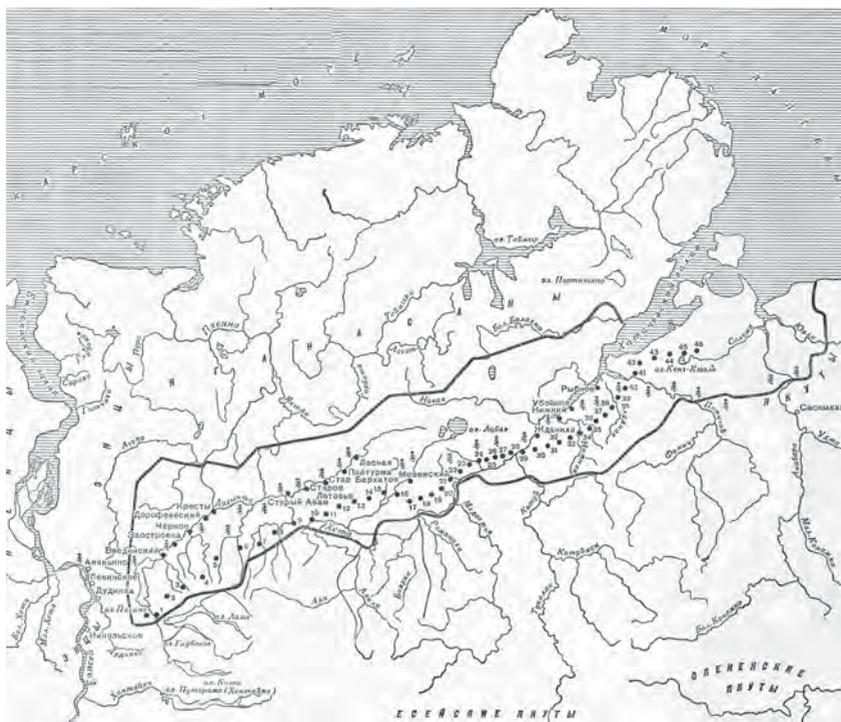

Рис. 7. Карта станков Хатангского тракта (по: [Долгих 1963])

следы, естественно, заматались, и только опытный глаз оленевода мог найти нужное направление движения. Кочевники старались и после пурги придерживаться едва различимых старых следов, поскольку по ним было легче бежать оленям: животные не проваливались глубоко в снег, ступая по утопанному снегу, по которому ранее пробегали ездовые олени. Поэтому в течение зимы эта дорога своего местоположения не меняла, но каждый год новый проложенный маршрут (первопуток) не совпадал с прошлогодним.

На станках проживала далеко не самая многочисленная часть коренных жителей полуострова, а только те, которых назначал отбывать повинность по перевозкам людей и грузов их глава или хозяин. Остальные оленеводы кочевали по долинам рек, где зимой можно было пользоваться плавником, столь необходимым для обогрева жилища и приготовления пищи.

Жители Затундры — долганы, крестьяне Затундринского Общества, затундринские якуты и тунгусы — начинали свои перекочевки с зимних стоянок несколько позднее, чем самоеды, начиная с конца апреля, т.к. район их летних кочевков находился ближе к зимним стоянкам. Их движение на летние пастбища происходило постепенно: сначала отправлялся глава семьи, а семья следовала спустя некоторое время. По пути к летним местам кочевания они проверяли в последний раз песцовые пасти, расположенные в 4–6 аргишах от линии зимних стоянок. В апреле-мае оленеводы попутно охотились на мигрирующего дикого оленя. Их перекочевки в середине 1920-х годов происходили в следующих направлениях:

— тунгусы, кочевавшие у Норильского Камня, на летние пастбища направлялись на р. Агапу (приток р. Пясины);

— долганы, кочующие у Норильского Камня и у Дудинки, распадались на две группы: одна часть двигалась на восток от Енисея в тундру, другая — на Гольчиху, к низовьям Енисея; жители станков, начиная от Медвежьего Яра до станка Бархатово, продвигались к рекам Дудыпта, Пур, Агапа, Пясины;

— оленеводы, проживавшие между станками Пайтурма и Байкаловский (Урядник), кочевали на р. Горбита, Лагата, Верхняя и Нижняя Таймыра;

— оленеводы, проживавшие на участке от станка Росомаший до станка Лабаз, направлялись на р. Боганиду;

— кочевники, пребывавшие в районе станка Урядник и сел. Хатанга, также разделялись: часть продвигалась на реки Новую и Балахну, другая — в восточном направлении;

— оленеводы, проживавшие от станка Хатанга к северо-востоку, направлялись на реки Блудную и Попигаю [Доброва-Ядринцева 1925: 63].

Перекочевку с зимних стойбищ на летние осуществляли обитатели всего чума с имуществом и оленьим стадом. Здесь у каждой семьи находилось привычное место, так что летом намечалась своя линия летних становищ, иногда носящих те же названия, что и зимние. Стада домашних оленей под присмотром пастухов паслись в прилегающих тундрах, причем несколько хозяев объединяли своих оленей в одно стадо: чем крупнее оно было, тем легче было управлять домашними животными.

Весной оленеводы занимались также промыслом дичи, главным образом гусей и уток. Птицу заготавливали впрок, сохраняя ее в ямах, используя в качестве «холодильника» вечную мерзлоту. В летние месяцы занимались и рыболовством: сначала на озерах и мелких речках, позднее — на более крупных реках (Пясына, Верхняя и Нижняя Таймыра, Балахня).

В конце сентября на озерах начинался промысел подледной рыбы, которую запасали на зиму. С выпадением снега кочевники снимались с летних стоянок и откочевывали к югу, юго-западу, туда, где у каждой семьи имелась своя стоянка, на которой они зимовали из года в год.

Линия зимних стоянок проходила по окраине леса — там, где, хотя он и был скуден, однако обеспечивал топливом и защищал от сильных холодов и пурги.

Во время пребывания на зимних стоянках якуты, долганы, тунгусы и крестьяне Затундринского Общества были малоподвижны. Стада домашних оленей перегонялись с одного пастбища на другое под присмотром пастухов. С января начинался период песцового промысла. В течение месяца охотники-олленеводы несколько раз делали осмотр песцовых пастей, выезжая на линию пастника

«легким чумом» [Доброва-Ядринцева 1925: 64]. У каждого местного жителя в тундре, на линии от 50 до 100 верст, были установлены пасти-ловушки на песца, и обычно в полнолуние они отправлялись на оленьих упряжках в тундру на их проверку. Таких ловушек, как сообщал М. Суслов, у каждого хозяина насчитывалось от 50 до 500 штук, так что за один осмотр охотник привозил от 10 до 50 песцов. От величины добычи зависело благосостояние затундринских жителей, получала средства также приходская церковь и ее причт. Дар в пользу церкви коренные жители отдавали исключительно песцовыми шкурами. Пушнину собирал священник или церковный староста и вывозил ее на Енисей, где продавал по повышенным ценам, иногда более чем вдвое. Но, как замечал хатангский священник, из церковных книг не было видно, чтобы эта прибыль поступала на приход церковного дохода [Суслов 1883].

Если посмотреть на этническую карту Таймыра 1926–1927 гг. и традиционные места обитания оленеводов Затундры, то можно выделить три зональные группировки коренного населения, располагавшиеся по отношению друг к другу в широтном направлении.

Самую северную группу образовывали стойбища самоедов (нганасан), кочевавших большую часть года в «Малой тундре», в низовьях р. Пясины и в районе озера Таймыр. Их стойбища на западе располагались северо-западнее станка Исаевского, откуда они тянулись непрерывной, беспорядочной массой вдоль тракта и к северу от него. В зимнее время оленеводы откочевывали от станков на расстояние около 50–60 верст. Их стойбища составляли чаще всего две-три семьи, проживавшие в одном или двух чумах, но иногда их численность была и значительно больше.

Так же, как и долганы, нганасаны имели обычай «гостевать» у своих соседей и родственников, и поэтому они всегда знали о всех передвижениях близко расположенных к ним кочевников. Если же стойбища в предполагаемом месте не обнаруживалось, то его находили по следам. Как писал Б.О. Долгих, после пурги обнаружить следы в тундре было почти невозможно, но обычно когда к соседям приезжал кто-нибудь из недавно откочевавшего стойбища, он и сообщал о своем новом местоположении. Так что, «спросив соседей,

нахождение любого самоеда можно узнать не менее точно, чем адрес горожанина в справочном столе» [Туруханская экспедиция 2005: 162].

Основная масса долган составляла вторую зональную группировку, основной осью которой была северная граница леса и проходившая несколько южнее ее «Большая русская дорога», так называемый Хатангский тракт. На станках этого тракта, от Норильска или озера Пясины на западе и до низовьев р. Анабар на востоке, зимовала большая часть долган.

Станки ломаными линиями с запада от станка Введенского до Пайтурмы (первая линия) и от Дудинки до Хатанги (вторая линия) и далее в анабарскую тундру шли почти параллельно и располагались на границе леса. От р. Анабар этот тракт шел далее на восток к населенному пункту Булун, расположенному в низовьях Лены.

На лето обитатели станков Хатангского тракта уходили на север в верховья р. Пясины, на р. Дудышту, в верховья рек Боганида и Новая, в низовья Хатанги, а пастухи и охотники на диких оленей переходили эти реки и шли еще дальше на север [Долгих 1963: 95].

Главой или хозяином станка был обычно человек обеспеченный, умный, деятельный и пользующийся авторитетом среди других жителей. Часто бывало, что им являлся не самый богатый, а человек среднего достатка, но принадлежавший к коренным жителям станка и пользовавшийся, благодаря определенным положительным качествам, всеобщим уважением. Такой хозяин отвечал за подводную повинность, к нему всегда заезжали и останавливались проезжающие по тракту. Он кормил постояльцев, заботился о скорой подготовке ездовых оленей, а если они оставались на ночевку на станке, оставлял их у себя. Поэтому многие станки тракта назывались по именам и прозвищам этих хозяев. Обычно такие люди как наиболее влиятельные лица решали на собраниях важные хозяйственные и административные вопросы, а также говорили иногда от имени всех жителей станка.

Для того чтобы осуществлять перевозки по тракту между станками, в местах, где находились хорошие пастбища с ягелем, выпасались табуны оленей. Со временем мох в окрестностях домашних животными выедался и обитателям станка приходилось менять

свое местоположение, отчего происходило передвижение и станков самого тракта. Оно постоянно смещалось в северо-западном или юго-восточном направлении относительно границы леса на протяжении всего направления «магистральной».

Как отмечали в своих записях участники Приполярной переписи 1926–1927 гг., в ближайшем для них будущем должны были изменить свое местоположение станки Беленький и Арсентьевский, главы которых приступили к постройке изб в 20–25 верстах к югу и юго-востоку от существовавших. Обитатели станка Крестовского жили уже не в своей избе, а в шестовых чумах к югу от нее. Передвинулись в северо-западном направлении от своих местоположений и станки Бархатов и Росомаший, оставив на прежнем месте свои пустые избы. Множество таких же старых строений находилось по нижней Хете и по Дудыпте [Туруханская экспедиция 2005: 153].

Как указывалось в переписи 1926–1927 гг., часть населения жила несколько в стороне от станков в избах и балаганах: Кононовский, Росомаший, Урядник, Ефремовский, Рассоха, Боганида, Волосянка. Другая часть жителей обитала в чумах, станки: Арсентьевский, Лабаз, Росомаший, Урядник, Горелый, Беленький, Боганида, Пайгурма, Бархатов, Волосянка. Далеко от своих станков кочевники не удалялись и постоянно поддерживали с ним связь [Туруханская экспедиция 2005: 162].

Жители станков всегда знали, где их родственники, находившиеся невдалеке с оленями. В то же время их сородичи, живущие со стадом домашних животных, всегда причисляли себя к этому ближайшему станку. Так что после прибытия чиновника или путешественника и их требования свежей оленьей упряжки со станка отправлялся в стадо человек, который приводил ездовых животных.

При провозе по станкам тракта для проезжающих во времена Туруханской экспедиции (1926–1927) была установлена плата в размере 9 коп. за версту и оленью упряжку, причем «подводой» считалась для того времени запряжка в четыре оленя, не считая оленей, на которых ехал сам «подводчик». Всем лицам, едущим по казенной надобности в Туруханск, в Дудинке выдавались так называемые «открытые листы», но предъявлять их почти никто не требовал. Право бесплатного проезда имели, помимо некоторых

чиновников, обладатели бумаг с окружной печатью, называемых эвенкийским словом «гумагалапкин» — «держачий бумагу».

У торгующих на полуострове в конце 1920-х годов организаций при перевозке грузов из Дудинки на фактории Затундры существовали более высокие расценки: они платили за двадцатипудовую нарту до Хатанги 120 руб., до Росомашьего, Урядника — 100 руб., до Беленького, Боганиды — 90 руб., до Авама, Волосянки, Летовья — по 70 руб. Если упряжь и грузовые нарты принадлежали оленеводу, то плата за транспортировку соответственно увеличивалась. Оленевод нес также ответственность за сохранность груза [Туруханская экспедиция 2005: 162–163].

Перевозка по тракту пассажиров и грузов на оленьих упряжках продолжалась с ноября до начала или середины мая. В начале весны проезжающим в направлении Хатанги приходилось передвигаться в стороне от границы леса и, следовательно, тракта, по чистой тундре, так как оленеводы к этому времени уже снимались с зимних стоянок и кочевали по направлению к летним стойбищам. Дорога весной находилась в худшем состоянии, чем зимой, а олени в это время были обычно истощены, да и расстояния между весенними стойбищами были больше, чем между станками. Так что перевозчики в это время года несколько увеличивали цену.

Станки Хатангского тракта, в которых местные жители располагались зимой, были относительно постоянными населенными пунктами. Они имели свои названия и были нанесены на географические карты. На многих станках были избы, на тринадцати из них в зиму 1926–1927 гг. располагались фактории советских и кооперативных торгово-заготовительных организаций. Избы, впрочем, имелись и на многих летних стойбищах по рекам Пясины, Дудыпта, Боганида, Хатанга. Иногда дело обстояло даже таким образом, что избы были именно на летнем стойбище, а зимой на станке его обитатели жили в балках или шестовых чумах. Так происходило обычно в тех случаях, когда летнее стойбище представляло собой старое поселение затундринских крестьян или якутов, а зимнее место обитания было лишь местом выпаса оленей и обеспечивало необходимую непрерывность цепи станков на протяжении тракта. Как уже упоминалось, время от времени из-за истощения ягельников

и отсутствия топлива в их окрестностях вся эта «цепь» вместе с дорогой, в пределах северной окраины лесотундры, смещалась то к югу, то к северу.

Здесь на зимних станках и на летних стойбищах складывались совместно жившие, кочевавшие и сообща ведшие хозяйство группы семей. Они были самого разного происхождения, но говорили на одном языке и создавали некое единство материальной и духовной культуры. Именно здесь происходило формирование долган [Долгих 1963: 14].

Население, проживавшее вдоль Хатангского тракта, вело традиционное кочевое хозяйство, занимаясь оленеводством, охотой на дикого оленя и рыболовством. На станках можно было встретить до пяти и более «нартенных чумов» (балков). Семьи, свободные от станочной гоньбы, жили где-либо в стороне от тракта, хотя официально они были приписаны к ближайшему станку.

Содержание оленей требовало постоянных перекочевок их владельцев в поисках новых пастбищ, и станки, где стояли даже избы, были вынуждены в продолжение зимы несколько раз менять пастбища. Поэтому станки, состоящие из балков и шестовых чумов, постоянно перемещались в направлении нового места стоянки.

Начинался тракт в селении Дудинском, которое в 1860-е годы представляло «один двор», где проживали 20 мужчин и столько же женщин. Здесь стояла каменная церковь, в которой пребывал священник. Кроме того, в селе жили два казака при двух казенных магазинах и особый смотритель участка. Как писал местный краевед, здесь «жители ездят на оленях и собаках. Имеются курицы» [Кривошапки 1865: 352].

Все зимовья, многие из которых позднее превратились в станки, обычно располагались на берегах водоемов. Согласно сведениям М. Кривошапкина, в первом по тракту к востоку от Дудинки зимовье (Введенском) имелась одна изба, в которой проживали четверо мужчин и две женщины.

С октября 1882 по февраль 1883 г., как упоминалось, провел в путешествии священник Михаил Суслов, который из Дудинки через Хатангу отправился на далекое озеро Ессей. Его проводниками до зимовья Введенское были авамские нганасаны. На оленьих

упряжках они ехали шесть часов и остановились напротив этого станка на р. Пясины, отстоящего около 200 верст от Дудинки.

К.М. Рычков спустя четверть века останавливался в этом зимовье, которое представляло собой низкий сруб без крыши, занесенный со всех сторон снегом. Вот как он описывал Введенское, почти дословно повторяя слова П. Третьякова [Третьяков 1871: 149–150].

«Вступая в зимовье, мы спустились сначала в яму, потом, сильно согнувшись, вошли в сени, которые не достигали в вышину и полутора аршин — потолок был покрыт инеем и осыпавшимся снегом. По бокам в ней находились две столь же низкие бревенчатые “амбарушки” с миниатюрными дверями. Одна из них, по-видимому, служила помещением для собак, а другая — кладовой для домашнего скарба. <...> Внутри избы, сложенной из тонкого леса, сгнившего от времени и почерневшего от дыма, виднелись в переднем углу иконы, от времени и дыма совершенно почерневшие. У самой двери находилась большая потрескавшаяся, сбитая из глины печь с трубой, а возле нее стояла небольшая железная печка. В окнах вместо рам вставлены были льдины, от таяния которых стекала постоянно вода. По стенам были подвешены полки, а к потолку прикреплены шесты для сушки сетей. Зимовье оказалось покинутым. Хозяин его, крестьянин затундринского общества Никита Лаптуков, еще в феврале месяце уехал в тундру с оленями, где и живет в шестовом чуме. Шагах в 10 от зимовья, на небольшом холмике, стояло довольно много деревянных крестов, с возвышающимися под ними срубиками-гробами. Это кладбище обитателей зимовья Введенского, а поодаль от него в разных местах разбросаны были одинокие могилы туземцев, отличавшиеся от первых отсутствием крестов. Некоторые из них были покрыты ветками (легкая долбленая лодка), у других же валялся только поломанный домашний скарб» [Рычков 1915: 5–6].

На станке Введенское, согласно данным Приполярной переписи 1926–1927 гг., проживало двое мужчин — глав хозяйств; еще двое хозяев (один русский и один долган, бывший сыном Никиты Лапукова, о котором упоминал К. Рычков) проживали в окрестностях станка.

О зимовье Половинкино на р. Пясины, расположенном в 25 верстах от Введенского и где, по сведениям Кривошапкина, находилась одна изба, в которой проживали двое мужчин и три женщины, больше сведений в литературе не имеется.

Также один двор, где проживали двое мужчин и три женщины (по М. Кривошапкину), представляло собой зимовье Заостровочное на р. Пясины. К. Рычков во время своей поездки из Дудинки в Хатангу весной 1908 г. упоминал, что это зимовье состояло из двух изб. В некоторых окнах этих построек вместо стекол были вставлены льдины, а другие были обтянуты рыбьим пузырем. Отапливалась изба глинобитной печью без трубы. Помещение наполнялось дымом, который очень медленно выходил в небольшое отверстие, сделанное в потолке.

На станке Заостровском в ожидании оленьих упряжек К. Рычкову пришлось прожить десять дней. Здесь он дождался подпряженного возчика — долгана Михаила Шукина, и на этом же станке к нему присоединился отец Макарий (Суслов), намеревавшийся ехать в сел. Хатанга. После того как для священника были пригнаны около 40 оленей, они отправились дальше на северо-восток. Как писал в дневнике М. Суслов, на Заостровочном станке было пять мальчиков, пригодных к обучению грамоте. Их родители были не против того, чтобы дети обучались чтению и письму, но обязательно с условием, чтобы учеба проходила у них по месту жительства [Рычков 1915: 6].

Зимовье Черноостровское на карте Добровой-Ядринцевой было обозначено как «Черное» с двумя избами, и находилось оно в семи верстах ниже по течению р. Пясины. М. Суслов в 1883 г. упоминал, что избы здесь топились по-черному, «жители в них все — крестьяне, уже смешавшиеся с инородцами, чрез супружество с ними». По сведениям К. Рыčkова, здесь в 1908 г. проживал крестьянин Затундринского Общества Михаил Лапуков, женатый на долганке.

Фамилия Лаптуков отмечена и в Приполярной переписи как фамилия одной из четырех глав хозяйств, проживавших на станке Черном в феврале 1927 г.

Зимовье Авамское располагалось при слиянии рек Авам с Дудыптой, и здесь в 1860-е годы был один двор, где жили двое мужчин и три женщины, как указывал М. Кривошапкин. Какое-то время Авам был административным центром Затундры, где платили ясак самоеды (нганасаны), отчего они и получили название авамских, а зимой здесь жил урядник. Авам находился посередине между реками Енисей и Хатанга. В начале 1880-х годов здесь имелся хлебный казенный магазин и три избы, в которых проживали затундринские крестьяне.

Во время проезда по тракту К. Рычкова хозяином станка, его старостой, был крестьянин Затундринского Общества Константин Аксенов. Жилище его ничем не отличалось от зимовий, распространенных по «Большой русской дороге»:

«Простая низкая четырехугольная изба с двумя ледяными окнами, внутри находилась небольшая железная печь, нары для спанья, примитивный стол, несколько чурок, заменяющих стулья, а в переднем углу образа, почерневшие от времени». Об имущественном положении К. Аксенова на 1908 г. можно судить из следующего: он имел около сотни оленей, столько же песцовых пастей-ловушек, 30 сетей-пуштален. Его долг торговцам составлял 660 руб. [Рычков 1915: 17].

В декабре 1926 г. на станке Авам работали регистраторы населения этого участка Б.О. Долгих и Г.Ф. Рихтер. Более половины его населения составляли затундринские крестьяне (девять семей), а остальными жителями являлись четыре семьи затундринских якутов. Язык на станке доминировал долганский, тем не менее почти все жители понимали русский язык. Наиболее влиятельным хозяином был затундринский крестьянин Макар Аксенов, владевший 300 оленями. Очевидно, это был сын Константина Аксенова, у которого останавливался некогда К. Рычков.

По сравнению со временем пребывания Рычкова здесь уже не было ни одной избы и все население жило в нартенных чумах (балках), а сам станок находился верстах в 10 от реки Авам. Недалеко, в стороне от тракта, на левом берегу реки Авам располагалась одноименная фактория, которая являлась одним из главных товарообменных пунктов с кочующими близ нее зимой авамскими самоедами. Кроме заведующего факторией и его рабочего там жила лишь одна семья затундринских крестьян [Туруханская экспедиция 2005: 153].

Станок Волосьянка (Волочанка) упоминается в литературе как промежуточный пункт на существовавшем некогда волоке из водных путей Енисейского бассейна в систему р. Хатанги. Однако в опубликованном М. Кривошапкиным списке зимовий он отсутствовал.

В 1927 г. Волосьянка располагалась в 25 верстах юго-восточнее Авама на левом берегу одноименной реки, в 15 верстах от ее впадения в реку Хету. На станке стояли две избы, принадлежащие фактории Енсоюза (Енисейского). Кроме населения самого Волосьянского района, к фактории тяготело население так называемого «Камня», т.е. пустынных гористых пространств, лежащих к югу от Затундры. От Волосьянки через Камень можно было добраться до озера Ессей, что в Илимпейской тундре.

Коренные жители на Волосьянке постоянных жилищ не имели и в основном проживали в ее окрестностях на расстоянии до 30 верст. Лишь несколько семей, «державших» станок, т.е. выполняющих грузоперевозки, жили в балках на самом станке.

Из 32 семей коренного населения, живших в конце 1920-х годов в Волосьянке и в ее округе, 29 были представителями тунгусов, а три семьи представляли оленеводов Енсоюза. Они принадлежали к разным народам: ненцам, затундринским якутам и тунгусам. Господствовавшим языком в Волосьянке был тунгусский, но часть населения (даже тунгусы по происхождению) говорила только подолгански. Русским языком на станке владели немногие, да и то большей частью плохо. На карте Хатангского тракта у Б.О. Долгих рядом с названием станка Волочанка указано имя «Бамбай». Это была кличка зажиточного оленевода, владевшего 400 оленями,

который являлся «хозяином» станка. Большим влиянием на станке пользовались также председатель Волосянско-Тунгусского Родового совета Д. Верещагин, живший в его окрестностях, и тунгус А. Перепрыгин [Труруханская экспедиция 2005: 154].

Кроме двух указанных изб Енсоюза на самой Волосянке, в ее окрестностях стояла еще изба, которую называли «старой Волосянкой». В ней никто не жил, но зато там устраивались «встречи самоедов». Иногда Волосянку местные жители называли «избой Рогозинского», по фамилии основателя Волосянской фактории и служащего Енсоюза, семь лет зимовавшего здесь [Труруханская экспедиция 2005: 154].

Зимовье Летовское, как писал М. Сулов во время своей второй поездки по Таймыру, располагалось в 40 верстах от Авама и в 25 верстах от Волочанки. Здесь в единственной дымной избушке проживали только три человека: старушка-хозяйка, ее внук лет одиннадцати и десятилетняя девочка-гостья, все по национальности якуты. Один из сыновей якутки проживал постоянно в чуме, выпасая своих оленей.

К. Рычков также останавливался в зимовье Летовском (Летовье), где в его время здесь проживали крестьяне Затундринского общества, братья Дураковы. Они жили в двух избах, ничем не отличающихся от волочанских. Все четыре брата состояли в браке и имели детей. Старший брат, Федор, был женат на долганке.

Во время переписи 1926–1927 гг. на станке побывали регистраторы двух разных участков: А.П. Лекаренко и Б.О. Долгих. Художник Лекаренко так описывал свое пребывание на этом станке:

«Две-три избы без крыши, а кругом много этих ящичков — ковчегов, в которых живут инородцы — долгане. Дрова торчат словно чумы, много санок, балков. Люди в парках, унтах неторопливой охотой проделывают текущую работу. У заведующего фактории Госторга пью чай. <...> Комната небольшая, три маленьких окна. Очень тесно, здесь и контора, спальня, приемная около двери, на скромном столе проделываются столовые обязанности: еда, питье чая» [КККМ. О/ф. 7626–110. Л. 117].

Как отмечал Б.О. Долгих во время своего пребывания, основное население Летовья составляли одиннадцать семей затундринских крестьян. Кроме того, здесь проживали три тунгусские семьи, две из которых работали пастухами расположенного в Летовье Госторга. Язык на станке преобладал долганский, хотя в одной оленеводческой семье говорили на тунгусском наречии. Хозяином станка был признан зажиточный затундринский крестьянин К. Дураков, владевший 600 домашними оленями. Большим влиянием на Летовье пользовались его брат и грамотный племянник.

На следующем станке, Бархатово, расположенном в 25 верстах к северо-востоку от Летовья, находилась фактория Производственного Союза и пекарня, хлеб из которой для населения пользовался большим спросом. При К. Рычкове здесь стояли одна изба и множество балков, где проживали затундринские крестьяне.

В 1927 г. станок состоял из четырех изб, расположенных на берегу небольшого озера. В Бархатово проживало 14 семей затундринских крестьян, три тунгусских и одна долганская. Общались здесь исключительно на долганском языке, хотя все жители, хоть и плохо, говорили и по-русски. Самым обеспеченным на станке было хозяйство затундринского крестьянина Фомы Бархатова, который владел 800 оленями. Тем не менее главой станка признавали его брата Илью Бархатова [Туруханская экспедиция 2005: 154].

Станок Мироновский находился в 30 верстах от Бархатова. Весной 1927 г. здесь был А.П. Лекаренко, который увидел две избы и несколько нартенных чумов — балков, принадлежащих тунгусам из рода Каранто. Этнический состав населения станка был таким: долган — 14 семей, ессейских якутов — восемь семей и две семьи тунгусов. Жители станка говорили на долганском языке. Как и на многих других станках, по-русски говорили не все и обычно очень плохо. Название станка происходило от имени его хозяина, который был долганом и жил в небольшой избе с двумя довольно большими застекленными окнами. На стене висело зеркало, имелись также «стол с клеенкой, божница, лампа висячая, две низеньких кровати, пара самодельных стульев с некоторым намеком на спинки, железная печь» [КККМ. О/ф. 7626–110. Л. 118].

Кроме хозяина наиболее авторитетными на Мироновском станке были два обеспеченных домохозяина: тунгус А. Порохов с 200 оленями и ессейский якут П. Беты, владевший 300 оленями.

В 30 верстах по тракту восточнее Мироновского находился станок Пайтурма. Его населяли четыре семьи, каждая из которых имела свою избу. В 1908 г. К. Рычков с преподобным отцом Макарием (М. Сулов) останавливались у местного жителя Налтанова, женатого на чистокровной якутке. На станке проживали затундринские якуты, которые называли себя «Саха».

В 1927 г. затундринских якутов здесь насчитывалось 17 семей и кроме них на Пайтурме жили еще две семьи затундринских крестьян. Станок состоял из семи или восьми изб, но часть его жителей проживала в шестовых чумах в окрестных тундрах. Языком общения здесь был долганский, а по-русски жители почти не говорили. На Пайтурме функционировало отделение Хатангского Общества Потребителей.

Главой станка являлся С. Сотников, владевший 400 оленями; кроме него в Пайтурме жили богатый тунгус из рода Боягир, считавший себя уже якутом, а также А. Аксенов с 700 оленями.

Теперь о станке Рассоха. Священник М. Сулов в 1880 г. на зимовье Рассоха вошел в избу и застал «чаеванье» среди четырнадцати местных жителей, Подождав, пока те закончат пить чай, он немедленно начал молебен. Но, как с сожалением отмечал священник, понять слово «спасение» среди них могли только трое, знающие по-русски.

Зимой 1926–1927 гг. на Рассохе функционировала фактория Госторга. Преобладающей этнографической группой на станке являлись собственно долганы. Их насчитывалось здесь восемь семей. Кроме них на станке проживали две семьи тунгусов и три — ессейских якутов. Язык здесь преобладал долганский, в одной семье разговаривали на тунгусском и в двух был отмечен ессейско-якутский говор [Туруханская экспедиция 2005: 155].

На самом станке стояло три избы, еще две находились к югу от нее при слиянии реки Рассоха с Боганидой. Хозяин станка С. Винокуров хорошо говорил по-русски и владел 200 оленями. Этот станок являлся политическим центром как собственно долган, так и долган, имеющих смешанное с самоедами происхождение.

Дважды, в 1880 и 1883 гг. побывал М. Суслов и в зимовье Боганида, где стояли три избы затундринских якутов во главе с якутским же князем-старостой. Проезжал через Боганиду и К. Рычков в апреле 1908 г. Станок населяли три семейства крестьян Затундринского Общества, проживавших в двух избах [Рычков 1915: 22]. Когда Рычков прибыл на этот станок, его жители уже откочевали с оленями и балками к северу в тундру на летние пастбища.

Как сообщал К. Рычков, среди крестьян Затундринского Общества А. Попов считался самым зажиточным: оленей у него насчитывалось до 400 голов, пастей на песцов — около 100 ловушек, сетей-пуцален — 40 шт. Немалым был и долг торговцам — 800 руб.

Во время пребывания на Боганиде регистратора П.А. Лекаренко в 1926–1927 гг. на станке проживало пять семей затундринских якутов, а также затундринские крестьяне [КККМ. О/ф. 7626–110. Л. 123].

Как отмечали регистраторы, некогда Боганида была одним из самых больших «крестьянских» станков в Затундре, являясь административным центром для восточной ее части, но ее наводнили ессейские якуты, которые составили к моменту проведения переписи большинство населения. Здесь проживали две семьи затундринских крестьян, четыре ессейско-якутские и две долганские.

Примечательно, что на Боганиде происходило крещение долган Каранто, откуда их управа получила название Боганидской. На 15 верст к северу от станка Боганида располагалась одноименная фактория, которая обслуживала, главным образом, кочующих близ нее зимой самоедов. Кроме заведующего и его рабочего, там жили две семьи аборигенов: долганская и ессейско-якутская [Туруханская экспедиция 20005: 155].

Зимовье Беленькое свое название получило потому, что на нем впервые в Затундре была построена изба «по-белому», т.е. с отверстием для дыма и с трубой. К. Рычков это зимовье, состоявшее из двух изб, в которых проживали два якутских семейства, упоминал только в связи с тем, что он останавливался здесь у якута Алексея Поротова, женатого на тунгуске [Рычков 1915: 23].

Станок Беленький располагался в 15 верстах северо-восточнее Боганиды, и именно от него линия тракта начинала идти в северо-восточном направлении. На Беленький, стоявший на перекрестье

Хатангского тракта с путем на Ессей, регистратор Б.О. Долгих попал в середине января 1927 г. [ГАКК Р769–1–306. Л. 28]. Перепись стойбищ здешних тунгусов и ессейских якутов заняла у него почти месяц. Всего на станке Беленький и в его районе проживало 15 семей: семь — затундринских якутов, четыре — ессейских якутов, три — тунгусских и одна семья затундринских крестьян.

На станке стояло девять изб, в которых жили почти исключительно затундринские якуты, а остальные оленеводы большей частью зимовали в окрестностях. Язык здесь преобладал долганский, хотя одна тунгусская и две семьи ессейских якутов говорили на своих родных языках. В двух семьях, во главе которых стояли братья Иван и Максим Поротовы, было по 300 оленей в каждой. Они являлись влиятельными и авторитетными людьми не только на Беленьком, но и среди всех затундринских якутов.

На этом станке имелось отделение Хатангского Общества Потребителей, при котором в 1927 г. работала пекарня. Фактория Беленького обслуживала кроме жителей станка также и тунгусов, приезжавших с Хеты, жителей станка Боганиды, якутов на нижней Хете и ближайшие стойбища самоедов.

Станок Ефремовский, или Мезенский, находился к северо-востоку, в 15 верстах от Беленького. Станок состоял из пяти-шести изб, в которых проживали одиннадцать семей долган, две семьи тунгусов и четыре якутские семьи. Часть аборигенов проживала не на самом Ефремовском, а в балаганах, невдалеке от станка.

Глава станка Ефрем Чарду был ессейским якутом по происхождению, но он входил в долганский административный род и пользовался среди долган большим уважением. Язык на станке господствовал долганский, и только старшее поколение обоих тунгусских семей, живших на Ефремовском и в его окрестностях, говорили на родном языке. В 1926–1927 гг. на станке находилась фактория сырья, но торговля шла очень плохо.

Станок Подхребетный, расположенный от Ефремовского в 20 верстах, в 1908 г. состоял из двух изб, населенных крестьянами Затундринского Общества. К. Рычков с преподобным отцом Макарием заезжали к крестьянину Платону Аксенову, женатому на долганке, и останавливались у него.

В 1926–1927 гг. местные жители называли этот станок «Крестья-тер» («крестьяне»). Он состоял из пяти изб, а основным населением здесь было десять семей затундринских крестьян. Проживали на станке также по одной долганской и якутской семье. Главой станка считался затундринский крестьянин Ефстафий Аксенов, и иногда по его имени станок назывался Ефстафьевским. Языком общения местного населения служил долганский, но жители понимали русский язык.

Зимовье Горелое, отстоящее от Подхребетного в 20 верстах, как упоминал в 1908 г. К. Рычков, состояло из трех изб, населенных тремя якутскими семействами. Он останавливался у старика Арсения Поротова, который называл себя «суразом» («рожденный вне брака»), так как отца он не знал, а мать его и бабушка по матери были якутками. Изба Поротова, как отмечал Рычков, была довольно чистая и светлая. Стены украшали лубочные картинки, имелись зеркало, часы, много икон.

Арсений Поротов, по отзывам местных жителей, был самым богатым во всей Затундре. В его собственности находилось 2000 оленей, около 200 пастей-ловушек и 40 сетей-пуштален. Правда, и долговые обязательства перед торговцами составляли внушительную цифру — 2200 руб. Впрочем, он занимался песцовым промыслом, оленеводством и торговлей, и многие его соплеменники были его должниками [Рычков 2015: 24].

Во время переписи 1926–1927 гг. станок Горелый местные жители называли «Байдер», т.е. богатый. Здесь проживало двадцать семей затундринских якутов, для которых родным языком являлся долганский. На станке стояли четыре избы, но часть населения проживала в шестовых чумах при табунах оленей.

Во главе станка находился затундринский якут Федосей Поротов (Подо), один из самых богатых людей по всему тракту. Он имел около 2000 домашних оленей, хотя при переписи он указал всего 800. Кроме того, на станке Горелом проживали его родственники, также владевшие большими стадами [Туруханская экспедиция 2005: 156].

Проезжали К. Рычков и отец Макарий в 1908 г. и через зимовье Байкаловский. Станок располагался в 15 верстах от Горелого и состоял из пяти изб, населенных якутскими семействами. Путники,

проезжавшие по тундре, останавливались у ессейского якута Тимофея Чарду. Хозяин станка имел 20 домашних оленей, 100 пастейловушек и 10 сетей-пушален. Как и у большинства жителей тракта был за ним и долг торговцам в размере 200 руб. *«Как не будет долгу, — говорил он регистраторам, — если вот этакая рубаха, как на мне, стоит 8–10 рублей»* [Рычков 2015: 24].

Во время проведения приполярной переписи 1926–1927 гг. регистраторы побывали на Байкаловском, который в то время имел название «Урядник». На Уряднике функционировала фактория, работали лавки промышленной артели и отделения Хатангского Общества Потребителей. Станок являлся центром не только для населения ближайших станков, но и для вадеевских самоедов, а также якутов с р. Хеты.

Раньше большинство населения Урядника составляли затундринские якуты, но в 1920-е годы они под давлением ессейских якутов с р. Хеты утратили свое первенствующее положение. В 1927 г. на Уряднике проживало восемь семей затундринских якутов и одиннадцать ессейских. Кроме них на Уряднике жили две долганские семьи и две тунгусские. Язык на станке господствовал долганский, и лишь некоторые семьи ессейских якутов и обе тунгусские сохранили свои родные языки. На Уряднике насчитывалось шесть изб, часть из которых принадлежала факториям.

Название «Урядник» происходило от прозвища хозяина станка, затундринского якута Евдокима Аверьяновича Порозова, который владел табуном оленей в 500 голов. Кроме того, на станке влиянием пользовался его сын Дмитрий, у которого было 300 оленей, а также председатель Якутско-Хетского родового совета ессейский якут Егор Чарду, владевший 800 оленями.

Е. Чарду с двумя другими семьями проживал не на самом станке, а на так называемом Старом Байкаловском, который стоял на р. Хете, в 20 верстах от Урядника. Ввиду того что большинство населения Старо-Байкаловского составляли те же затундринские якуты, тесно связанные экономически и по традиции с населением Урядника, то, как посчитали регистраторы переписи, их «условно можно считать вместе за одно населенное место» [Туруханская экспедиция 2005: 157].

Опишем и зимовье Росомашье. К. Рычков, проезжая в 1908 г. в Хатангу, останавливался в этом зимовье. В то время здесь в чуме проживала тунгуска Аксенова. У хозяйки имелся также балок, где путники остановились погреться у очага в то время, пока для них ловили оленей. Она была многодетной: хозяйка имела трех взрослых сыновей и четырех подростков. Сыновья с женами жили в шестовом чуме, а сама Аксенова с младшим сыном — в балке. В хозяйстве Аксеновой насчитывались сотня оленей, триста пастей-ловушек и пятьдесят сетей-пушачен. Долг торговцам составлял 400 руб. [Туруханская экспедиция 2005: 157].

В 1927 г. на этом станке насчитывалось пять изб, и еще одна стояла в отдалении. Хозяином станка считался Парфен Аксенов, владевший 140 оленями, отчего его по-долгански иногда называли «Парфеттер». Все жители станка с фамилией Аксенов были зарегистрированы долганями. Самым состоятельным считался долган Конон Фальков, имевший 700 оленей и живший в окрестностях. Станок называли еще «Карандолар», по преобладающей родовой группе тунгусов Каранто, которых здесь проживало 12 семей. Кроме них вблизи станка кочевали по одной семье затундринских и ессейских якутов. Часть долган жила вблизи станка в шестовых чумах.

Языком общения для всех жителей станка служил исключительно долганский. Фактория Госторга на Росомашьем обслуживала, кроме жителей станка, население тракта к востоку от него, а также вадеевских самоедов.

О следующем зимовье — Исаевском — К. Рычков упоминал лишь то, что здесь в чуме проживал якут по имени Николай, владевший 50 оленями, 100 пастями-ловушками и 30 рыболовными сетями. Его долг торговцам составлял 200 руб. [Рычков 1915: 157].

Согласно данным переписи 1926–1927 гг., станок Исаевский состоял всего из двух изб, в которых жила одна семья тунгусов и две семьи затундринских якутов. Общались жители станка на долганском языке. Самым богатым на станке был его хозяин, тунгус Алексей Еремин, владевший 400 оленями [Туруханская экспедиция 2005: 157].

Станок Лабаз находился в 25 верстах от Исаевского, на реке Малой Росомашьей, и состоял, по данным Туруханской экспедиции,

из пяти изб. Большая часть населения кочевала в окрестностях, и некоторые избы стояли пустые. Здесь проживали девять семей затундринских якутов, четыре семьи долган и три семьи ессейских якутов, а языком общения у жителей станка был долганский.

Самым влиятельным человеком на станке считался долган Галактион Чуприн, имевший 400 оленей. Кроме него, авторитетом пользовался кочевавший в то время в окрестностях Лабаза затундринский якут Иван Михайлов (по кличке Поло), имевший около тысячи домашних оленей. Фактически он считался хозяином станка Крестовского, расположенного недалеко от Хатанги, но из-за истощения в том районе оленьих пастбищ И. Михайлов кочевал в это время вблизи Лабаза [Туруханская экспедиция 2005: 157].

Следующий за Лабазом на расстоянии 20 верст станок Кононовский состоял в 1927 г. из двух частей. Четыре избы на тракте составляли собственно станок Кононовский, и две избы вблизи р. Хеты были особым населенным местом. Население состояло из семи семей затундринских якутов, четырех долганских семей, двух семей ессейских якутов и семьи тунгусов Баягир. Языком общения местных жителей у всех, кроме части ессейских якутов, был долганский. Хозяином станка являлся затундринский якут Николай Федосеев, владевший стадом в 80 голов.

Зимовье Соколовское. К. Рычков с отцом Макарием в свою бытность останавливались у основателя зимовья якута Арсения Соколова, чье имя и носило название станка. В 1908 г. он был почтенным стариком около 80 лет, имевшим двух взрослых сыновей. В его хозяйстве насчитывалось до 100 оленей и столько же пастей-ловушек, шестьдесят рыболовных сетей. Его долг перед торговцами составлял 250 руб. [Рычков 1915: 26]. При переписи населения 1926–1927 гг. этого станка не было зарегистрировано, поскольку он фигурировал под другим именем — Арсентьевский.

Станок Арсентьевский, находившийся в 20 верстах от Кононовского, назывался так по имени его хозяина, бывшего купца Арсения Укусусникова, владевшего 600 оленями. Станок состоял из трех изб, кроме того, три семьи жили в шестовом чуме к югу от станка. Население состояло из восьми семей затундринских якутов, а говорили все жители на долганском языке. А. Укусусников являлся

также председателем Хатангского Общества Потребителей и занимался на станке торговлей. Летом, когда фабрики закрывались, он производил торговлю на реке Новой, обслуживая почти все население восточной части тракта [Туруханская экспедиция 2005: 158].

Станок Игнатъевский располагался в 20 верстах за Арсентьевским, на берегу реки Уголяк. Он состоял из трех изб, в которых проживали шесть семей затундринских якутов и одна долганская семья из рода Каранто. Все жители говорили на долганском языке. Главой станка являлся затундринский якут Фома Михайлов, у которого выпасались 80 оленей.

Станок Крестовский (Кресты), расположенный в 16 верстах от Игнатъевского, был последним на пути к сел. Хатанга. В 1927 г. он состоял из группы балков и шестовых чумов. Принадлежала станку и изба, которая, правда, находилась в стороне к северу от тогдашнего его местоположения. Изба пустовала, потому что в округе истощились олени пастбища. Как сообщали регистраторы, этот станок испытывал пастбищный кризис, отчего его хозяину, Ивану Михайлову, как упоминалось выше, приходилось кочевать в районе станка Лабаз.

Населяли Кресты в 1927 г. шесть семей затундринских якутов, которые общались на долганском языке. Фактически хозяином станка являлся сын Ивана Михайлова, Глеб Михайлов, который имел 250 оленей.

Станки от Горелого до Крестов по линии тракта между Волочанкой и Хатангой в начале 1930-х годов располагались на территории Затундринско-Якутского кочевого совета. Особенностью землепользования совета являлось то, что на освоенной им территории на краю леса в течение 4–5 месяцев в году стояли зимние стойбища Вадеевско-Нганасанского кочевого совета.

Теперь о селении Хатанга. Михаил Сулов, посетив его впервые в 1880 г., обнаружил в нем лишь четыре избы, в которых жители находились только зимой (рис. 8). Некоторые из них хорошо понимали русскую речь. Священник обратил внимание на слепого старого якута Гидатова, который хорошо говорил по-русски и был долгое время старостой своего наслега. Кроме него, в Хатанге было

Рис. 8. Сел. Хатанга зимой, 1916 г. [АМАЭ. И–1851–122]

еще несколько типичных якутов, но большинство жителей было смешанного происхождения.

В селении жили представители церковного духовенства: два священника, дьякон и псаломщик. Были здесь и несколько семейств старожилов: долганы Лев и Петр Кожевниковы, якут Василий Гидатов и крестьянин Затундринского Общества Иосиф Урлих. Кроме того, в селе находились хлебозапасный магазин и метеорологическая станция. Магазин служил лишь складочным местом для миссионеров и купцов. Метеорологическая станция, устроенная экспедицией, снаряженной Академией наук под руководством геолога И.П. Толмачева для записи температурного режима и изучения рек Хатанга и Анабар, была заброшена и находилась в плачевном состоянии.

Хатангская церковь (рис. 9, 10), как значилось в духовных ведомостях, была построена в 1783 г. Однако в 30 м от нее сохранились остатки прежнего строения, поставленного еще в 1705 г. Недалеко от церкви на берегу реки находилось кладбище Хатангского погоста. На могилах возвышались кресты, на перекладинах которых были привязаны остатки восковых свечей. Всех могил, как писал К. Рычков, «было до двух десятков, и над каждой возвышался аккуратный крест и, столь же прекрасной работы, с разными украшениями, наземный гроб» [Рычков 1915: 28].

Рис. 9–10. Хатангская церковь, 1905 г. [АМАЭ. Д. 2184-9, 10]

В 1926–1927 гг., во время проведения Приполярной переписи, Хатанга была самым большим станком на тракте и административным центром одноименной волости, в которую входила вся Загундра. Во время пребывания здесь Б.О. Долгих в ней было уже 12 изб и та же церковь. В отличие от других станков, летом пустовавших из-за того, что к началу мая служащие факторий покидали их до наступления очередной зимы, а местное население откочевы-

вало со своими оленями в тундру, в Хатанге круглый год жили около десяти русских семей — служащих Хатангского Общества потребителей и Госторга [Туруханская экспедиция 2005: 72]. Что касается коренных жителей, то они обитали большей частью в окрестностях Хатанги. В самом селении их насчитывалось всего шесть семей.

По национальному составу население Хатанги и ее окрестностей (кроме русских жителей) состояло из затундринских якутов (восемь семей), долган (шесть семей), затундринских крестьян (две семьи), «долганившихся» карасинских самоедов-энцев (одна семья), якутов (одна семья), юраков (ненцев) (одна семья) [Туруханская экспедиция 2005: 158]. Местные жители разговаривали главным образом на долганском языке.

Хатанга являлась основной торговой базой для восточной части Затундры. Отсюда в конце 1920-х годов зимой отправлялась в Анабарский край экспедиция с торговыми целями, доходящая на северо-востоке до озера Киенг-Кюель. Далее этого озера заброска товаров на север уже становилась убыточной из-за чрезвычайной удаленности.

Весной из Хатанги осуществлялась «выездная торговля» и в юго-восточную часть Таймырского полуострова. Она охватывала население Анабарского края и окрестностей самого станка Хатанги, обслуживая уходящих туда на лето кочевников.

Обе фактории Хатанги, Госторг и лавка Общества Потребителей (рис. 11), в отличие от факторий на других станках, где торговля производилась лишь в течение зимы, функционировали круглый год. Кроме факторий в середине 1920-х годов в Хатанге имелись Правление туземного Общества Потребителей, школа, фельдшерский пункт и Исполнительный Комитет. При церкви состоял особый церковный совет из коренных жителей, в ведении которого находилась сама церковь и все ее имущество.

В культуре местного населения Хатанги сильно чувствовалось влияние Якутии. Русские называли здесь всех местных жителей «якутами», в то время как на территории остальной Затундры среди русских относительно аборигенов преобладало собирательное слово «долганы».

Рис. 11. Хатангское инородческое общество потребителей, 1920-е годы
[МАЭ. Д. 4415-61]

Часто в Хатанге появлялись якутские торговые агенты, представители администрации Якутской Республики и т.п. В то же время население в сильной степени испытывало и влияние русской культуры. Многие коренные жители работали на факториях, местные женщины присматривали за домом в русских семьях, имея возможность наблюдать незнакомую им жизнь русских в семейной обстановке. Русские, в свою очередь, в течение почти круглого года жили в непосредственном общении с местным населением [Туруханская экспедиция 2005: 159].

Следующий за Хатангой станок Казачье уже не входил в план переписи Туруханской экспедиции. В программе переписи Б.О. Долгих находилось лишь самое отдаленное к северу, затерявшееся далеко в стороне от Хатангского тракта маленькое поселение затундринских крестьян под названием «Имба Марка». Поэтому исследователь-регистратор по пути в это забытое место оставил в стороне прихатангские правобережные станки: Казачье, Жданыха, Летовье, Убойное, Нижний, Евстафьевский, Лукунский, Кресты, Рыбное, Блудное, Дандай, не заезжая на них.

К Избе Марка, расположенной на р. Большая Балахна в 15 верстах от впадения ее в Хатангский залив, регистратор отправился в середине февраля. Чтобы добраться до поселения, Б.О. Долгих должен был проехать от Хатанги далеко на северо-восток в сторону анабарской тундры до станка Кудряковского, оставив в стороне более десяти станков и перебравшись через Хатангский залив по льду с восточного на западное побережье и далее в глубину тундры.

Регистратор нашел в Избе Марка две семьи (девять человек) затундринских крестьян, *«совершенно одичавших, не говорящих по-русски и почти не поддерживающих сношений с внешним миром»* [Туруханская экспедиция 2005: 72–73].

Самые отдаленные станки, выходящие далеко за пределы собственно Хатангского тракта, располагались на пути к р. Анабар. Биолог-охотовед из Ленинграда А.А. Романов, обследовавший Хатанго-Анабарский район в конце 1920-х годов, собрал некоторые сведения о старинных домах, стоящих на оз. Киенг-Кюель.

Время постройки этих домов на то время, по подсчетам исследователя, составляло более ста лет, и в них имелись глинобитные печи с глиняными же трубами, в которых пекли хлеб. Во время пребывания здесь Романова оставалось еще 3–4 дома, которые представляли собой однокомнатные избы. Раньше там насчитывалось семь жилых домов с печами, которые со временем разобрали на дрова. В 1870-е годы все дома были обитаемы, в них жили в зимний период, и здесь находился станок. Второй станок с домами, один из которых здесь сохранился, был на р. Попигай в устье р. Мунгурдох. К западу в системе р. Суолемы располагался станок Яровой, также с домами, и еще один станок — на р. Анабар, где также стояли русские дома. Через эти станки проходило сообщение между Хатангой и Анабаром [СПФ АРАН. Ф. 735. Оп. 1. Д. 12. Л. 45].

В 1934–1935 гг. Красноярский Управзем проводил работы в Хатангском районе по землеотводу создающимся колхозам и совхозам. Благодаря этим материалам мы имеем информацию о станках в низовьях Хатанги, об административном делении в те годы и характере хозяйства кочевников, проживавших на станках, идущих от Хатанги в северо-восточном направлении.

В начале 1930-х годов в состав Хатангского района входило шесть «тузсоветов», а численность коренного населения в них составляла:

Название «тузсовета»	Число хозяйств	Мужчин	Женщин	Всего
Затундринско-Якутский	142	322	330	652
Хатангский	85	180	167	356
Вадеевско-Самоедский	53	130	118	248
Блудновско-Балахнинский	77	201	189	390
Долгано-Попигайский	77	140	160	300
Корго-Кюельский	72	152	147	299
Всего по району	506	1134	1111	2245

Население Хатангского кочевого совета составляли якуты, долганы и затундринские крестьяне. Зимой все кочевники располагались на правом берегу Хатанги, в лесной зоне, где они проживали на станках и вблизи зимнего тракта, идущего от станка Хатанга до станка Корго. На территории Хатангского совета насчитывалось пять групп совместного кочевания, четыре из которых так или иначе были ориентированы на станки.

Жданиха-Балахнинская группа, куда входили долганы, затундринские якуты и затундринские крестьяне, состояла из 15 хозяйств, в которых насчитывалось 62 чел. с 549 домашними оленями. В зимнее время оленеводы располагались на правом берегу р. Хатанга, образуя два станка — Жданиха 1 и Жданиха 2.

Летовская группа (затундринские якуты, долганы, затундринские крестьяне) состояла из 12 хозяйств, в которых насчитывалось 52 чел. с 633 домашними оленями. Зимой кочевники проводили в лесу, в междуречье Жданихи и Бычачьей, где образовывали станок Летовье.

Обойновская группа объединяла долган, затундринских якутов и затундринских крестьян, которые составляли 18 хозяйств (77 чел. с 690 домашними оленями). Зимой эта группа располагалась на левобережье среднего течения р. Нижней, образуя два станка: Убойная 1 и Убойная 2.

Нижне-Хатангская группа, в которой кочевали долганы, затундринские якуты и затундринские крестьяне, объединяла 16 хозяйств (70 чел. с 415 домашними оленями). Эта группа осваивала восточную часть территории совета. Несколько семей (всего семь хозяйств) зимовали у станка Лукинского [Дьяченко 2005: 110–113].

В Корго-Кюельском кочевом совете, который был самым северным в районе, числилось 72 хозяйства с 299 кочевниками, у которых насчитывалось 2534 оленя. В этом кочевом совете было несколько, как их было принято называть в то время, «кустов», по территории которых проходил тракт с расположенными на них станками.

Рыбнинско-Балахнинский «куст» насчитывал 14 хозяйств (68 чел. с 552 домашними оленями). Две группы этого «куста», состоявшие из 14 хозяйств, зимовали в районе станка Рыбного, где в 1930-х годах находилась Рыбнинская фактория.

Больше-Балахнинский «куст» состоял из 19 хозяйств (105 чел. с 699 домашними оленями), которые также разбивались на несколько групп. Одна из них, состоявшая из двух хозяйств, зимой стояла на станке Убойная 2. Другая группа, состоявшая из трех хозяйств, проводила зиму в районе станка Лукинского [Дьяченко 2005: 98–101].

Так же, как и станки тракта, несколько факторий, расположенных в его пределах, служили своего рода катализаторами в товарных отношениях, где часто песец служил эквивалентом денег.

Охотники-оленоводы массово прикочевывали к факториям в январе, феврале и начале марта. В середине апреля все фактории, кроме Хатангской, прекращали свою деятельность. Во время работы Затундринских факторий уполномоченные Губсоюза собирали пушнину, которая была добыта в течение осенних и зимних (октябрь-март) месяцев. Так что пушнина, добытая при последнем осмотре пастей в апреле, оставалась, таким образом, несобранной. Это было особенно важно для самоедов, у которых осмотр второй линии пастей совершался раз в год, весной. Весенний сбор пушнины оставался, следовательно, из года в год несданным до января следующего года, когда открывались фактории: летом, по известным причинам, песцового промысла не было и население обходи-

лось без их услуг. Кочевники закупали все для себя необходимое при выходе на фактории сразу на целый год.

Обобщая сведения о влиянии факторий на кочевую жизнь охотников-оленоводов Таймыра с запада на восток, можно отметить следующее.

На факторию Дудинскую прикочевывали якуты, долганы и крестьяне Затундринского Общества. Они прибывали сюда в октябрь-ноябре, когда в Дудинку выходили олениводы из тундры, чтобы перевозить грузы на Затундринские фактории [Доброва-Ядринцева 1925: 66].

К фактории Летовье тяготели олениводы, кочевавшие в верховьях р. Пясины (станки Долганы, Пясино, Бархатово), а также кочевники, группировавшиеся в окрестностях станков: Медвежий Яр, Тунгусы, Авам, Волосянка, Летовье, Мироновское, Пайтурма, Рассоха, Боганида.

К фактории Урядник (Байкаловский) тяготели олениводы, кочевавшие по р. Боганиде, а также обитавшие вблизи станков Беленький, Ефремовский, Горелый, Подхребетный, Росомаший, Исаевский, Лабаз, Кононовский и осуществлявшие перекочевки по р. Хете.

К Хатангской фактории тяготели жители с низовьев Хатанги, со станков Кононовский, Соколовский, Крест, Хатанга, Жданиха, а также кочевавшие по рекам Убойная, Нижняя, Лукинская, Блудная, Рыбная, Балахна, Попигай.

На Хатангу выходили также якуты с р. Анабар. Ессейские якуты выходили на все три Затундринские фактории, но большинство из них выходило на станок Урядник.

В 1921–1922 гг. Л.Н. Доброва-Ядринцева использовала кампанию по снабжению туруханских коренных жителей продовольствием, а «выдача пайка на каждого едока» обеспечила возможность произвести сплошной учет местного населения и собрать данные его экономического быта. Как писала исследователь в предисловии, *«эта книга, без сомнения, явится ценным руководством для практической работы»* [Доброва-Ядринцева 1925: 2]. Б.О. Долгих упоминал в своем отчете, что у всех регистраторов имелись экземпляры этой книги. Статистические данные севера Туруханского

края, т.е. Таймырского полуострова, наверняка помогли ориентироваться в многонациональном населении и безбрежной тундре Таймыра переписчикам Туруханской экспедиции.

Разграничить районы зимнего местопребывания северных кочевников по национальному признаку (якутов, долган, тунгусов и крестьян Затундринского Общества) было абсолютно невозможно. На одном и том же станке проживали семьи, принадлежавшие к различным народам, не говоря уже о том, что практически на каждом из них проживали смешанные не в одном поколении семьи. Можно говорить лишь о том, какие станки являлись местопребыванием хозяйств с преобладанием той или иной народности.

Список станков Хатангского тракта (с запада на восток), отражавший этнический состав населения в 1921–1922 гг. (по Л.Н. Добровой-Ядринцевой) был таким:

Названия станков	Преобладающая национальность
Медвежий яр	тунгусы
Тунгусы	тунгусы
Долганы	долганы
Авам	долганы, затундринские крестьяне
Волочанка	тунгусы
Летовье	затундринские крестьяне
Бархатов	долганы
Мироновский	тунгусы, якуты
Пайтурма	долганы, затундринские крестьяне, якуты
Рассоха	долганы
Боганида	тунгусы
Беленький	якуты
Ефремовский	тунгусы
Подхребетный	якуты
Горелый	якуты
Байкаловский	якуты
Росомаший	тунгусы
Исаевский	якуты

Лабаз	тунгусы
Кононовский	якуты
Соколовский	якуты
Крестовский	якуты
Хатанга	затундринские крестьяне, якуты
Жданиха	якуты
Убойная	долганы
Рыбное	долганы, затундринские крестьяне
Блудное	долганы
Балахна	долганы, затундринские крестьяне

Список станков Хатангского тракта (с запада на восток), отражавший этнический состав населения в 1926–1927 гг., составленный Б.О. Долгих:

Названия станков	Преобладающая национальность
Введенское	затундринские крестьяне, одолганившиеся энцы, долганы
Заостровское	затундринские крестьяне, одолганившиеся энцы, долганы
Абахылак	затундринские крестьяне, одолганившиеся энцы, долганы
Самоедская речка	тунгусы, долганы, энцы
Медвежий яр	долганы
Тунгусы	тунгусы
Долганы	долганы
Авам	затундринские крестьяне
Волочанка	тунгусы
Летовье	затундринские крестьяне
Бархатов	затундринские крестьяне
Мироновский	тунгусы, якуты
Пайтурма	затундринские якуты, затундринские крестьяне, тунгусы

Рассоха	долганы, якуты
Боганида	затундринские крестьяне, якуты
Беленький	затундринские якуты, тунгусы
Ефремовский	долганы
Подхребетный	затундринские крестьяне
Горелый	затундринские якуты, якуты (ессейские)
Байкаловский	затундринские якуты, якуты (ессейские)
Росомаший	тунгусы
Исаевский	тунгусы, затундринские якуты,
Лабаз	затундринские якуты, долганы
Кононовский	затундринские якуты, долганы
Соколовский	затундринские якуты, долганы
Игнатьевский	затундринские якуты, долганы
Крестовский	затундринские якуты, долганы
Хатанга	затундринские якуты, долганы, затундринские крестьяне
Казачья	долганы, затундринские якуты, затундринские крестьяне
Жданиха	долганы, затундринские якуты, затундринские крестьяне
Летовье	долганы, затундринские якуты, затундринские крестьяне
Нижний	долганы, затундринские якуты, затундринские крестьяне
Евстафьевский	долганы, затундринские якуты, затундринские крестьяне
Лукинский	долганы, затундринские якуты, затундринские крестьяне
Кресты	долганы, затундринские якуты, затундринские крестьяне
Рыбное	долганы, затундринские якуты, затундринские крестьяне
Блудное	долганы, затундринские якуты, затундринские крестьяне
Дандай	долганы, затундринские якуты, затундринские крестьяне

Как видим из этих таблиц и переписных данных, четыре основных народа, проживавших вдоль Таймырского тракта, жили совместно или чересполосно, при различных этнических сочетаниях, порой создавая на карте расселения причудливую мозаику.

Однако все не так просто, как можно было бы судить по данным таблицам. Если посмотреть на переписные карточки хозяйств, то обнаружится более замысловатая ситуация. К примеру, взглянем на данные карточек, составленных для глав хозяйств любого станка. Например, далеко самого немногочисленного — Волосянка, на котором преобладающей народностью записаны тунгусы. Мы обнаружим, что в 1927 г. там проживало два хозяйства русских, два — нганасанских, три — тунгусских, два — якутов затундринских, одно долганское и одно ненецкое [Турханская экспедиция 2005: 417–418]. Стоит ли удивляться, что в формировании современных долган в той или иной степени участвовали все народы Таймыра.

Приведем наиболее яркие свидетельства, характеризующие антропологический, этнический и языковой, чрезвычайно смешанный не в одном поколении характер долганских семей.

«Приехал хозяин зимовья (Введенского. — В.Д.) Никита Лаптуков со своим зятем долганом Егором Поповым. Зять Никиты Лаптукова был долган, но сам владелец зимовья, крестьянин затундринского общества, представлял смешанный тип метиса полудолгана — полусамоеда — полурусского. Он обладал очень низким приземистым ростом и длинным туловищем на коротких ногах; разрез глаз был узким, но глаза голубые, голова лысая; на подбородке редкая растительность. Во время разговора он прищуривал то один глаз, то другой. По одежде он ничем не разнился от своего зятя. Семья Никиты Лаптукова, как он сообщил, состояла из его матери-самоедки (отец был затундринский крестьянин, метис), жены его, русского происхождения, дочери (замужем за долганом), и сына, женатого на долганке» [Рычков 1915: 5].

«Обитатель станка Заостровского Дмитрий Лаптуков — метис, мать его самоедка, а отец числится крестьянином затундринского общества, но по общему складу близко подходит к авамским самоедам. Имеет жену долганку и троих детей. Пясинские крестьяне Лаптуковы являются потомками казака Лаптукова, который находился в начале XVIII столетия на Ессейском озере для умирения взбунтовавшихся тунгусов, а когда, после принятых мер, инородцы успокоились, то Лаптуков через Ессейское озеро пробрался на р. Пясину. Здесь он женился на 16-летней самоедке, обвенчавшись с ней в сел. Дудинском. От этой четы родилось 19 детей, из которых осталось пять сыновей и столько же дочерей. Все девицы вышли замуж за пришельцев с р. Енисея, поселившихся по рекам Дудынте и Пясины» [Рычков 1915: 7].

«Обитатели зимовий по р. Пясины, именующиеся крестьянами затундринского общества, по образу жизни ничем не отличались от долган и совершенно утратили тип и духовный склад русских. Русскую речь знали только старшие в семьях, тогда как дети обнаруживали полное незнание или говорили всего по несколько слов. Зимы пясинские крестьяне проводят в своих зимовьях и отбывают подводь, а на лето разбредаются по летьям, находящимся по Пясиной и некоторым озерам в тундрах. Главным и основным занятием их служит оленеводство, которое у них ничем не отличается от туземного, а к нему не менее важными подспорными промыслами являются рыболовство и охота» [Рычков 1915: 8].

Как отмечал А.А. Попов, затундринскими крестьянами называлось старожильческое русское население северо-восточной части Таймырского национального округа. Публикуя свои наблюдения, сделанные проездом через р. Пясину летом 1929 г., автора обраща-

ет внимание на две семьи затундринских крестьян. Они жили на станке Половинное и говорили только на русском языке. Насколько было известно в те далекие годы А.А. Попову, остальная масса затундринских крестьян, населявшая территорию от р. Пясины до самого Анабара, ничем не отличалась от своих соседей долган и якутов, говорила на их языке и также вела кочевую жизнь, занимаясь, главным образом, оленеводством и охотой. Так что исследователь повторил мысль П.Н. Буцинского о характере русского человека, который мог приспособиться к любым природно-климатическим условиям и иной этнической среде:

«Русский человек легко ориентируется в каждой новой местности, умеет приспособиться ко всякой природе, способен перенести всякий климат и вместе с тем умеет ужиться с всякою народностью, будь то самоеды, остяки, вогулы, татары или ненцы; благодаря этой способности, помимо превосходства культуры, он быстро превращал в свою плоть и кровь всяких сибирских инородцев, хотя, конечно, и сам не вполне оставался тем, чем был до переселения в Сибирь» [Буцинский 1999: 252].

Всего в северо-восточной части Таймырского национального округа по данным 1930 г. числилось 270 затундринских крестьян, из которых в пределах р. Пясины их было лишь 28 чел. Летом пясинские затундринские крестьяне жили в избах на станках Введенское, Половинное, Заостровка и Кресты. Они занимались исключительно рыболовством, а хозяйства, в которых имелись олени, на летнее время отправляли их с пастухами в тундру.

Зимой оседло жили в избах только три семьи: одна на станке Заостровка, две на Половинной. Остальные жители, у которых были олени, вели кочевой образ жизни. Из указанных семейств одна была оленеводческая и в ней говорили по-долгански, в двух других оленей не было, но держали собак. Жители станка Половинное и летом и зимой жили оседло, занимаясь исключительно рыболовством и только в незначительном количестве промышляли

песцов пастями — ловушками, находившимися всего лишь в нескольких километрах от изб по берегам р. Пясины. Оленей у них не было, а в качестве ездовых животных держали собак, на которых совершали недалекие поездки за топливом (плавником) к реке, за продуктами в кооператив и т.д. [Попов 1934: 78]. Как отмечал А.А. Попов, жители станка Половинного вследствие бедности перешли к собаководству: по рассказам, в старину затундринские крестьяне не были оленеводами и ездили только на собаках.

Затундринские крестьяне называли себя исключительно «крестьянами»: *«Мы не русские, мы не долгане и не самоды (самоеды), мы “крестьяне”*», — так отвечали они на вопрос исследователя, какой они народности. В царское время у них был свой староста, и они управлялись независимо от долганских и тунгусских «родов», составляя самостоятельное «Затундринское крестьянское Общество» [Попов 1934: 76–77]. В конце 1920-х годов оно имело общее управление с долганями и тунгусами, входящими в состав административных единиц, образованных по территориальному признаку.

А.А. Попов задается законным вопросом о том, каким же образом могли попасть сюда русские. Этнограф полагал, что, в южной части р. Пясины недавние переселенцы пришли из Енисейского и Туруханского края, а большинство из них, по рассказам опрошенных, являлись потомками беглых людей, недовольных политикой правительства. Весьма возможно, что переселение русских на северо-запад Таймыра происходило морским путем. Иначе трудно было бы объяснить возникновение поселений по р. Пясине почти до самого устья в тех местах, куда редко добирались даже охотники-нганасаны, самые северные из обитателей края [Попов 1934: 77]. Однако вернемся к характеристике этнического состава и антропологического облика насельников станков.

«Чум тунгусского князя Алето, находящегося в двух верстах от р. Андадоме. Здесь уже заметны были некоторые особенности, чуждые долганам, хотя последних следует считать не близкими соплеменниками тунгусов, <...> а метисами, помесью между якутами и тунгусами. К характерным физическим признакам семьи

Алето следует отнести низкий рост, правильное телосложение, кругловатые очертания лица с широким лбом, выдающимися скулами, узким миндалевидным разрезом глаз и почти отсутствующие ушные мочки. Выражение лиц умное, смелое» [Рычков 1915: 12–13].

Станок Авамский.

«Здесь живет крестьянин затундринского общества, он же и староста этого общества, Константин Аксенов. Аксенов представляет из себя продукт смеси почти всех племен, населяющих Туруханский край. Прабабка его самоедка, дед и отец числились крестьянами, бабка была якуткой, мать самоедка; жену имел тунгуску. Детей четверо: трое сыновей, один женат на долганке, остальные не женаты, и одна девочка. Ни в физическом его облике, ни в быте ничего русского» [Рычков 1915: 17].

Станок Пайтурма.

«Мы остановились у Налтанова, женатого на чистокровной якутке. Население здесь чисто якутское. Мужчины называют себя Саха. Они низкорослы, сутуловаты и сравнительно крепкого сложенья. Женщины довольно интересны, с большими черными глазами» [Рычков 1915: 21].

Станок Рассоха.

«Мы остановились у долгана Киприяна Савина. Дед его был некрещеный долган, бабка тунгуска, мать крестьянка. Женат Киприян на якутке, имевшей мать тунгуску» [Рычков 1915: 22].

Зимовье Боганидское «населяли три семейства в двух избах, числящиеся крестьянами Затундринского общества. Мы остановились у крестьянина Андрея Попова, женатого на якутке, имевшей отца тунгуса» [Рычков 1915: 22].

Зимовье Подхребетное «состоит из двух изб, населенных мети-сами, числящимися крестьянами Затундринского общества. Мы заехали к крестьянину Платону Аксенову, женатому на долганке» [Рычков 1915: 23].

Станок Волосянка, записи из дневника А.П. Лекаренко, 1927 г.:

«Живет здешняя публика далеко не похоже на якутов на Есее или в Илимпеи. Едят хлеб, сахар, масло и прочее. Носят рубахи, кофты, словом, нужно полагать, здесь гораздо народ богаче. Дорогой встретили походные избы, как здесь их называют нартенные чумы. Заходим, пьем чай. Хозяин — толстый инородец с небольшим хохолком волос, говорит по-русски. Здесь встретил впервые долганина в расшитой бисером и сукном парке, словно сусальный пряник. Сидит, упорно тянет чай, ажно нос вспотел» [КККМ. О/ф. 7626–110. Л. 114].

Станок Бархагово.

«У заведующего Попова останавливаюсь. Одна комната русских, можно сказать, и много — человек пять. Две русских женщины. Встретил русского крестьянина, старика, который уже выродился в инородческий тип. Здесь их называют затундринскими крестьянами. Старик смышленный, при царе был станочным старостой. Говорит, присюсюкивая, как многие здесь. Рассказывал, что его предки были хохлы, но потом их выслали в эти края, где они приспособились, — женились на долганках, пошли дети, которые мало чего общего имели с русскими» [КККМ. О/ф. 7626–110. Л. 117].

Станок Мироновский —

«две русских избы, несколько нартенных чумов (балков), опять санки, дрова. У хозяина, долгана, — небольшая изба, два довольно больших окна, льда нет, стекло.

Народу в избе много, все в расшитых бисерных парках. Одна деваха абсолютно, что называется, с кончика носа и до волос русская, в ярко расписном наряде. Здесь увидел и юраков в их костюмах, на старике — парка, мездрю вся кверху, из обшитой белой длинной шерстью по подолу, пояс низко» [КККМ. О/ф. 7626–110. Л. 118].

Станок Боганида.

«На станке Боганида — несколько семей: пять семей затундринских якутов и, как здесь называют, затундринские крестьяне. Когда-то последние были русскими крестьянами, а потом акклиматизировались, порвали связь с русскими, перемешалась кровь, произошла метизация, и сейчас нужно очень пристально рассматривать, пока доберешься до настоящей породы. Конечно, на вид они уже типичные инородцы: черные, чашкой волоса, раскосые глаза, ярко расписанные бисерным орнаментом парки» [КККМ. О/ф. 7626–110. Л. 123].

Селение Хатанга.

«В первый раз, на пустынном берегу Хатанги, где не было видно и следа человеческого жилья на десятки верст вокруг, около нашего экспедиционного табора неожиданно образовалась кучка из десяти инородцев-якутов. Я был поражен разнообразием типов стоявших передо мною якутов — ни малейшего сходства между ними, будто это были представители разных народностей, а не якуты (только один из них был тунгус, да и тот ни слова не знал по-тунгусски). Особенно меня поразил слепой старик, который на мое приглашение сесть отвечал мне чистым русским языком “спасибо”. Далее, оказалось, что каждый из этих десяти якутов по виду знает по несколько русских слов, а кое-кто даже понимает русскую речь. Поразило меня

также и то, что все они, в противоположность инородцам, вели себя с достоинством, ни на что не напращивались и держались очень свободно, хотя и отвечивали нашей экспедиционной компании еще издалека довольно низкие поклоны. Не было сомнения, что пред нами были не чистокровные якуты, а представители какого то смешанного странного типа — метисы, полу-якуты, полу-долгане, полу-тунгусы, и полу-русские с остатками русской речи и старых привычек отцов и дедов.

В другой раз я встретил также слепого старика-якута в Хатангском погосте — Гидатова, прекрасно говорящего по-русски. Раньше он был князем (старостой) своего наслега, а теперь живет с семьей в стороне от дел, хотя еще частенько обращаются к нему за советами. Это тоже характерный тип, как бы указывающий на то, насколько прежнее влияние русского элемента было сильно в крае и насколько оно упало теперь.

Третий такой же метис встретился мне в с. Нижнем на той же Хатанге. Это Трифон Гаврилович Портнягин, также хорошо говорящий по-русски. Когда-то род Портнягиных был большой, жили они далеко севернее, промышляя песцов и других зверей, передвигаясь на оленях и собаках. Дед у него был грамотный, да чуть ли не был грамотным и отец, но потом эти культурные традиции исчезли, они обьякучивались, дичали, и про одного из дядей Трифона доподлинно известно, что он сделался шаманом, да говорят, в их фамилии был, кроме того, не один шаман. Теперь Портнягины окончательно обьякутились, обеднели, уменьшились количеством и разбрелись по тундре.

Это три типа, с которыми мне пришлось более близко столкнуться. Но чем дальше я знакомился с здешним населением, тем все более встречал людей с инородческим обликом, знающих по-русски. По Ха-

танге, частью по Хете и другим местам живет в разброде до 150 душ крестьян, составляющих даже крестьянское общество, но по образу жизни ничем не отличающихся от здешних инородцев — якутов, долган, тунгусов, совершенно утерявших как физически, так и духовный облик русских; русский язык ими совершенно так же утрачен, или говорят на нем лишь немногие, якутский же язык сделался для них родным. При этом интересным явлением оказывается еще и то обстоятельство, что все знающие более или менее русскую речь — старики, тогда как люди более молодого возраста обнаруживают полное незнание, или говорят всего по нескольку слов» [Васильев 1908: 30–31].

Эти выразительные высказывания о жителях Хатанги, сделанные в начале XX столетия (геологическая экспедиция 1905 г.) уроженцем Якутии В.Н. Васильевым, который хорошо знал якутский язык, как нельзя лучше характеризуют население, предки которого составляли русские. Он назвал это «угасшей русской культурой» на Севере.

Спустя три года, в 1908 г., в Хатанге находился и К.М. Рычков, у которого сложилось такое же впечатление относительно русского компонента в культуре местного населения.

«На следующий день, с утра, инородцы снова собрались в нашу квартиру. Некоторые из них хорошо понимали русскую речь. Интересный тип представлял собою слепой старый якут Гидатов (о котором также писал В.Н. Васильев. — В.Д.), хорошо говоривший по-русски и бывший долгое время старостой своего наслега. Кроме него, было еще несколько типичных якутов, но большинство были метисы» [Рычков 1915: 28].

«Резюмируя впечатления, вынесенные за поездку до с. Хатангского и обратно, невольно поражаешься

и нивелирующему влиянию менее сильных расовых разновидностей. Русский элемент окончательно потонул в компактной массе туземных народностей, слился с ним в физическом типе, образе жизни, экономическом и духовном быте, привычках, в области религиозных верований, до потери родного языка» [Рычков 1915: 15].

Далее по зимней тундре, в низовьях Хатанги и совсем на крайнем севере района мы встречаем такой же смешанный тип населения, хотя в некоторых местах были отмечены некоторые особенности характера кочевников.

«При переходе из лесной зоны от блуднойцев (жители по р. Блудной. — В.Д.) в Киенг-Кюельский совет (участок тундры, прилегающий к морю) изменяется и характер населения. Здесь люди отличаются какой-то сосредоточенной молчаливостью и тугодумством» [СПФ АРАН. Ф. 735. Оп. 1. Д. 12. Л. 75]. «С вступлением в наслег Хорго чувствуется перемена. Вместо веселых беспечных попигайских тунгусов здесь уже настороженные к экспедиции якуты. Собственно это только при вопросах об их национальности — они причисляют себя к якутам. По типу это помесь русских с якутами. Русская кровь заметна по лицу: встречаются серые глаза, русые и шоколадного цвета волосы. Нередко можно встретить мужчин с растительностью на лице (борода и усы). Объякучивание их полное, якутский язык стал родным. Быт — быт кочевника-оленевода. Сохранились обрывки русских обычаев. <...> Обращает на себя внимание крепость в религии, очень часто видны на груди поверх одежды у женщин большие кресты» [СПФ АРАН. Ф. 735. Оп. 3. Д. 19. Л. 54].

Все население самого северного Корго-Кюельского наслега говорило на якутском языке и только два-три человека в Совете

знали немного по-русски. При опросах жители регистрировались якутами, называя себя «Саха» [СПбФ АРАН. Ф. 735. Оп. 1. Д. 12. Л. 69].

«Старинные обычаи были крепки, и их свято соблюдали: за руку здоровались и благодарили за еду, а после нее крестились. Встав утром и умывшись, молились. Гостеприимство, взаимная помощь красной нитью протягиваются во всей их жизни, так же как и доверие друг к другу и к приезжим. Долганские мужчины поселений в Блудновском и Хатангском районах стриглись в кружок (остатки русских обычаев, приобретенных от затундренных крестьян). Большое распространение имели в местном долганском наречии такие слова, как “пособка”, “подводчук”, “даром” (носившее всеобъемлющее понятие), “господи помилуй”, “господи спаси”, “не дай бог” [СПФ АРАН. Ф. 735. Оп. 1. Д. 12. Л. 207].

«Оба старика (Спиридон Поротов и Тит Киргизов) по типу лица напоминают русских. Киргизов — типичный русский — русый, нос картофелиной, серые глаза, окладистая голова, лысый. Ни слова по-русски. Религиозен, на ночь читает молитву, после еды молится. Перед дверью впереди на ящике расставлены иконы. Второй старик — Поротов — имеет русский тип лица, однако темные глаза, черные волосы и отсутствие растительности на лице выдает превалирующую примесь местной крови. Оба, несомненно, потомки русских. Очевидно, русские здесь, встретив здесь по численности больше тунгусов, перемешались с ними. Исходя из описанных ранее бывших поселков, нужно заключить, что раньше жили более оседло. С развитием оленеводства и обьякутением русских население стало вести кочевой образ жизни» [СПФ АРАН. Ф. 735. Оп. 3. Д. 19. Л. 45].

* * *

Итак, Хатангский тракт сыграл большую роль в этнокультурной истории Таймыра. Более трехсот лет он служил единственной магистралью, соединявшей в зимнее время запад и восток полуострова. Здесь, с конца октября до мая, между тремя десятками станков пролегла жизненная артерия Таймыра — Хатангский тракт, по которому устанавливалось транспортное сообщение на оленях.

Начинаясь на Енисее, в Дудинке, зимняя дорога тянулась почти на тысячу километров на восток до Хатанги и имела длинную цепь станков, пересекая Таймырский полуостров и ведя в Анабарский край. Далее она тянулась в Якутию до селения Булун, расположенного в низовьях Лены. Станки тракта, которыми стали охотничьи в прошлом зимовья, тянулись цепью по лесотундре, а расстояние между ними составляло в среднем около 30 верст. Сам тракт из-за оскудения оленьих кормов из года в год отодвигался то к северу, то к югу относительно границы лесной растительности.

Каждый из станков тракта состоял из одной или нескольких изб, чумов или балков, в окрестностях которых располагались стойбища оленеводов. К лету станки пустели: пастухи со стадами домашних оленей отправлялись на север в тундру, в то время как торговцы с выменянной на товары у охотников-олленеводов за зиму пушниной возвращались в Дудинку.

«Большая русская дорога» настолько сблизила и перетасовала разнородные в этническом и языковом отношении группы тунгусов, якутов и русских старожилов, что население вблизи тракта сложилось в новый народ с общим языком и культурой — долган.

Библиография

- Ауэрбах Н.К.* Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисей // Рыбопромысловые исследования Сибири. Сер. А.: Государственная типография. Красноярск, 1929. С. 1–28.
- Белов М.И.* Первое русское поселение на Таймыре (к 350-летию Хатанги) // Известия Всесоюзного Географического общества. 1977. № 1. С. 48–57.

- Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 1999. 328 с.
- Васильев В. Угасшая русская культура на дальнем севере // Сибирские вопросы. 1908 № 1. С. 29–34.
- Доброва-Ядринцева Л. Н. Туземцы Туруханского края: опыт исследования экономического положения / Под ред. В. Лаврова. Новониколаевск: Сибирский революционный комитет, 1925. 81 с.
- Долгих Б. О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. Т. V / Тр. Института этнографии. Т. 84. М., 1963. С. 92–141.
- Дьяченко В.И. Охотники высоких широт: долганы и северные якуты. СПб.: Европейский дом, 2005. 272 с.
- Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 1999. Т. 2. 342 с.
- Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб.: издание Императорского Русского географического общества, 1865. Т. I. 378 с.
- Латкин Н.А. Зимовье // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: издательство, 1894. Т. XII А. С. 198.
- Латкин Н.В. Енисейская губерния. Ее прошлое и настоящее. Очерк Н.В. Латкина. СПб.: Типография и Литография В.А. Тиханова, 1892. 466 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2. 630 с.
- Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае // Вестник РГО. Т. XXVIII. СПб., 1860. С. 1–64.
- Попов А.А. Затундренские крестьяне // СЭ. № 3. 1934. С. 77–86.
- Попов А.А. Материалы по родовому строю долган // СЭ. № 6. 1934. С. 116–139.
- Рычков К.М. Поездка в северо-восточные тундры Туруханского края из с. Дудина. Отд. отт. М., 1915. 29 с.
- Сашенков Е. П. На почтовых трактах Севера: (К истории почты Якутии). Якутск: Якутское книжное издательство, 1989. 88 с.
- Скалон В.Н. Из истории древних русских поселений на крайнем севере Сибири // Известия Иркутского сельскохозяйственного института. 1960. Вып. 18. С. 303–322.
- Соколов А. По следам государевых ямщиков // Илин. 2012. № 1. С. 52–57.
- Степанов [А.П.] Енисейская губерния. СПб.: Тип. Конрада Вингебера, 1835. Ч. I. 276 с.
- Третьяков П. Туруханский край // Записки Русского географического общества по общей географии. СПб., 1869. Т. 2. С. 275–530.

Третьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители. СПб.: Издательство Русского географического общества, 1871. 318 с.

Туруханская экспедиция Приполярной переписи: этнография и демография малочисленных народов Севера: Сборник научных трудов. Красноярск: Поликор, 2005. 448 с.

Урванцев Н.Н. Норильск (История открытия и освоения медно-никелевых руд Сибирского Севера). М.: Недра, 1969. 90 с.

[Суслов] Путевой журнал Благочинного церкви и миссий Туруханского края, священника Михаила Суслова при поездке в Хатангский приход и к озеру Ессей или Жоссей. За 1882/3 г. КККМ, рукопись, б.г.